№ 3

Блак-нот

№3 Н.М. Трухин.

Записки солдата или топографа

/ продолжение /

Посвящаю своему сыну Боре.

Граница Белоруссии
/ д. Кабаляки /

8го Октября 1943г.

16-го Октября 1943 года.

Белоруссия. Район дер. Кисели.

Под гром артиллерийской канонады пишу я эти строки.
Период ожесточенных боев за город Оршу.

Прошло не мало дней с того времени, когда будучи в Княже-Селе, я услышал от старушки — с которой беседовал на кухне — повесть о её погибшей невестке.

После этого прошло свыше 20 дней, в течение которых на всех фронтах наша Красная Армия достигла огромных успехов, в результате которых взяты города Невель (Калининский фронт), Мелитополь, Запорожье и другие. Освобождены тысячи населённых пунктов, причем многие из них имеют одно лишь название, так как при своём отступлении немцы сжигают деревни и сёла, а народ угоняют колоннами в тыл свой, используя их на работах как скот, как рабов. Вот оно средневековье двадцатого века.

Описывая наступательное движение нашей дивизии, я вернусь к прошедшим дням, в которые с боями двигались мы освобождая родную землю от фашистских захватчиков. Эти дни я не отразил в своих записках.

21-го сентября мы двигались по следам отступающих немцев. Проходим сожжённую деревню Корявки, затем [illegible], встретил я женщину, стоявшую в роне от дороги. Возле неё стояло двое бойцов, которым рассказывала она, о том как предыдущей ночью была сожжена её [redacted] деревня и как наша авиация бомбила немцев.

— Ну молодцы, — говорила она. Как налетели на них самолёты, да начали бомбы кидать, так немцы не знают куда и деваться. Приятно было слышать хороший результат бомбёжки, нашей авиацией, которая в предыдущую ночь весьма активно действовала. Благодаря действиям нашей авиации, много гражданского населения спаслось от фашистского рабства, так как из двух вышеуказанных мной деревень население согнано было в колонну для отправки в Германию, но во время налёта нашей авиации, охрана этой колонны разбежалась, чем и воспользовались мирные жители. Они разбежались по лесу, оврагам и сограм, где пробыли до утра, после чего пришли мы. Идём дальше. Вот дер. Язвино. Она уцелела. Здесь произошел прошлой ночью интересный случай. Немцы уже отошли из деревни, после чего сюда прибыли семь человек немецких поджигателей. Надо сказать, что немцы при своём отступлении, пускают в ход специально созданные отряды, на обязанности которых лежит сжигать оставляемые немцами города и деревни.

Прибывшие поджигатели в д. Язвино только успели зажечь один дом. Вскоре появилась наша разведка и захватила бандитов на месте их преступления. Все семь поджигателей были уничтожены. Двое из [illegible] были брошены в [illegible] а остальные валялись неподалеку от него. Не трудно представить себе ту радость и благодарность оставшихся жителей, деревня которых была спасена во время подоспевшей советской разведкой. Я видел лежащие трупы немецких бандитов. Смотрел я на них и испытывал разведка и захватила бандитов на месте их преступления. Все семь поджигателей были уничтожены. Двое из были брошены в [illegible]

а остальные валялись на [illegible] ночь. Не трудно представить себе ту радость и благодарность оставшихся жителей, деревня которых была спасена во время подоспевшей советской разведкой.

Я видел лежащие трупы немецких бандитов. Смотрел я на них и испытывал в этот момент великую злобу, которой казалось не было границ.

Двигаемся дальше. Всюду холмистая местность, покрытая кое где лиственным лесом, орешником и мелким березняком. Местами встречаются довольно глубокие воронки, поросшие травой. Это признак боев 1941 года.

К 24-му сентября прибыли в деревню Красногорье, которая сожжена была в январе 1942 года, за то, что была очагом партизанского движения всего района.

Здесь долгое время хозяевали положением были партизаны под руководством Аркадия, фамилию которого мне не удалось установить и Сашки Железнова, как называли местные жители. Они пользовались среди населения авторитетом, поддержкой и уважением. В лице их мирные жители видели поборников освобождения родной земли от немецких захватчиков. Их любили и всячески им способствовали в борьбе против фашистских оккупантов. Таким же уважением и любовью пользовалась со стороны населения тов. Ильин Иван Яковлевич, который был комиссаром партизанского отряда

От населения узнал я, что прибыл сюда он не известно откуда, известно лишь то, что он был в плену, откуда сбежал и прибыл в Глинкинский район Смоленской области, где принял активное участие в формировании и боевых действиях партизанских отрядов.

Был среди них, также видный командир тов. Тарасенко Леонид Михайлович, бывший учитель в дер. Красногорье. Позднее тов. Тарасенко Л. М. попал в руки немцев, которые его расстреляли, а семью Тарасенко — жену и двух мальчиков в возрасте 3х и 5ти лет сожгли в огне ихнего дома. От населения я также узнал, что одним из пособников командованию партизанских отрядов была местная жительница Ковалёва Клавдия Лукьяновна и её племянница Ковалёва Матрена Павловна. Я имел возможность обеих их видеть и разговаривать по вопросу их участия в борьбе партизан против немцев. Первая из них была среднего возраста, т. е. приблизительно лет 35ти. Полуоткрытые карие глаза её сосредоточенно смотрели на всё окружающее, а смуглое лицо, имеющее не мало морщин, создавало впечатление, что женщина эта не мало кой чего испытала в своей жизни. Её племянница — 19ти летняя девушка, имела серые глаза, пухлые загоревшие от солнца щеки и чёрные волосы, пряди которых выбивались из под её головного платка. Её звали обычно Мотя. Среди партизан Мотя и Клавдия Лукьяновна пользовались особым доверием. Они выполняли различные поручения не считаясь с опасностью для собственной жизни. Мотя зимой 1942 года совместно с тов. Ильиным И. Я. ходила в Сухой Дол /Смоленской обл./ за спрятанным там оружием, которое

19ти летняя девушка, имела чёрные глаза, пухлые загоревшие от солнца щёки и чёрные волосы, пряди которых выбивались из под её головного платка. Её звали обычно Мотя. Среди партизан Мотя и Клавдия Лукьяновна пользовались особым доверием. Они выполняли различные поручения не считаясь с опасностью для собственной жизни. Мотя зимой 1942 года совместно с тов. Ильиным И. Я. ходила в Сухой Дол /Смоленской обл./ за спрятанным там оружием, которое доставили они партизанам. Мотя нередко ходила с целью разведки в расположение врага. Она стирала и чинила бельё партизан и вместе с тем выполняла целый ряд других не менее важных поручений. Клавдия Лукьяновна ухаживала словно мать за детьми за ранеными партизанами. Она скрывала их от русских „полицаев" скрывала от немецких карателей. Она также скрывала военное имущество партизан, как-то радио, оружие и боеприпасы. Словом роль Клавдии Лукьяновны и Моти в среде партизан была велика.

В начале зимы 1942 г. Аркадий со своими людьми захватил немецкий обоз, в котором оказались медикаменты, продукты и боеприпасы. Сопровождавшая охрана в количестве 30ти немецких солдат, была разоружена и связана попарно, словно невольники из тропической Африки и в таком виде были они проведены по сёлам: Ляхово, Красногорье и Жигалово, а затем их пустили в „расход". Аркадий много причинил неприятностей для фашистской военщины.

Все мирные жители района Глинка, прочли объявление немецких властей, что за поимку или содействие в поимке Аркадия будет выдано вознаграждение в размере целой тонны сол

Спустя после этого несколько времени, Аркадий был пойман, благодаря тому, что нашлись предатели. Вместе с Аркадием в лапы фашистских карателей попали и другие его сподвижники, которые были подвергнуты мучительным пыткам, а затем повешены.

Советские русские люди никогда не простят тем иудам, которые помогали врагам нашей Родины. Они навечно пригвоздят [illegible] к позорному столбу их имена, а тело предателей будет балтатся на перекладине. Ветер развеет их грязную душу и люди советские будут с проклятьем и чувством омерзения отзыватся о этих отбросах человеческого общества.

Имя борцов за свободу любимой отчизны останется в веках. О них будут сложены песни, былины, легенды, которые будут передоватся из поколение в поколение.

Вместе с Аркадием и его товарищами, пострадали и мирные жители. Деревни Ляхова, Мигалово и Красногорье были сожжены, а в огне их погибло 270 человек: женщин, детей, стариков. Мы никогда не забудем этих жутких злодеяний немецких вандалов и настанет то время, когда карающая рука Немезиды, жестоко покарает фашистских бандитов.

Вночь на 25-е сентября мы снялись и двинулись дальше на запад. В эту ночь, верней в 1 час. 30 минут передовые части нашей дивизии, наряду с другими частями, принимали участие во взятии города Смоленска. После этого, дивизия наша согласно приказа наркома обороны маршала Советского Союза тов. Сталина, стала именоваться Смоленской, а в городе Москве был дан салют из 224 орудий 20 залпов, в честь взятия Смоленска.

После того, как овладели Смоленском, весь 19-й корпус, в состав которого входила наша дивизия, пошёл левее Смоленска. Стояла сырая погода. Проходили д. Харинки. Здесь была сделана остановка, где впервые в течение восьми месяцев был я в крестьянской избе и варил в русской печке картофель. Хозяйка избушки, в которой я был, рассказала мне разные выходки бывшего старосты этой деревни, по фамилии Туруценко Павел Мануилович. Он был грозой для крестьян и оказывал разные услуги для немцев.

Две дочки его, как настоящие проститутки, гуляли с немецкими офицерами, получая различные от них подачки. А сам Туруценко вскоре стал самым крупным кулаком. При отступлении немцев он остался в деревне, надеясь, что все его выходки с бытностью фашистов, пройдут безнаказанно. Увы, напрасная надежда! Мы не проща

…в течение восьми месяцев… ким д. в крестьянской избе и варим в русской печке картофель. Хозяйка избушки, в которой я был, рассказала мне разные выходки бывшего старосты из ней деревни, по фамилии Турущенко Павел Мануилович. Он был грозой для крестьян и оказывал разные услуги для немцев.

Две дочки его, как настоящие проститутки, гуляли с немецкими офицерами, получая различные от них подачки. А сам Турушенко вскоре стал самым крупным кулаком. При отступлении немцев он остался в деревне, надеясь, что все его выходки с бытностью фашистов, пройдут безнаказанно. Увы, напрасная надежда! Мы не прощаем, а мстим безпощадно врагам нашей Родины.

Днём 25го сентября прошли д. Горяшино. Славная местность. Вблизи деревни один за другим стоят четыре высоких кургана, покрытых зелёной травой. В самой же деревне видна полуразрушенная старинная церковь, на колокольне которой ютилось тьмою галок и ворон. У самой деревни лежит в стороне от дороги большой серый камень, глядя на который я вспомнил отрывок одного стихотворения, прочитанного когда-то мной в журнале „Русский Охотник.“ Я в уме продекламировал этот отрывок, проходя мимо камня: …„Ты камень гранитный, свидетель угрюмой

Стихийной борьбы и космических бурь.
Скажи мне какие ты думаешь думы
Любуясь на ясную неба лазурь.
Грустишь ли о битвах в минувшие годы,
Грустишь ли о бурях и грозах былых?
Иль истинный сын плодотворной природы
Ты занят питанием лишаев седых“…

Проходя деревню, увидел я пепелища многих сожжённых домов. Вот навстречу идёт нам старик. Он был в лаптях. Поровнявшись с нами, он снимает шапку и кланяется.

— Здравствуй дедушка, — воскликнул я старику.

— Здравствуйте сынки. Наконец-то пришли. Давно мы вас ждали.

— Ну, кто тут хозяином то был? Ты, что ли? — спросил я старика.

— Да, я…. Князь Алданин хозяином был.

После Горяшино, пришли в д. Раково, где сделали небольшую остановку. Немцы отсюда ушли недавно. При чём к нашему удивлению, эти пройденные нами деревни были все целы за исключением Горяшино, часть которой и школа её были сожжены.

В момент остановки командир нашей роты Букштынов проявил возмутительное мородерство по отношению жителей д. Раково. Он занялся изъятием лошадей у местного населения. Естественно, это вызвало скрытое недовольство крестьян и вопли женщин. Я встретил женщину со слезами на глазах, которая шла по улице и сокрушённо причитала, а один из бойцов нашей роты по приказанию капитана Букштынова вёл в поводу её лошадь. Такое поведение нашего командира роты возбудило во мне чувство возмущения, на которого я смотрел с неприязнью. К счастью в эти проделки Букштынова вмешался один из командиров совершенно другой части, случайно оказавшийся в этой деревне. Он отнял изъятую Букштыновым лошадь и вернул её прежнему владельцу. Женщина, которая только что оплакивала свою лошадь не знала как благодарить командира.

Необходимо заметить, что Букштынов весьма благосклонно относился к мародерству своих подчинённых. Так например его ординарец Александр Ушаков в д. Хворостово у одного из жителей стащил поросенка. Букштынов с улыбкой смотрел на ординарца, будучи доволен его ловкостью в краже и заранее предвкушал удовольствие от предстоящей жареной поросятины.

За такое „внимание" к командиру, Ушаков был награждён Букштыновым медалью „За отвагу". Благодаря такому попустительству со стороны командира роты, неоднократны были случаи мародерства у многих бойцов нашей роты. В первом взводе бойцы Паматкин и Щербатых не раз стреляли из автоматов курицу крестьян, при чём это делалось на глазах хозяев. Курицу варили и в очередь угощали ими командира взвода лейтенанта Грекова, который тоже ничего не имел против таких выходок своих бойцов. В том же взводе, бойцы однажды увели у какого-то крестьянина жеребёнка, закололи и съели его. И это делалось всё бойцами Красной Армии, в то время, когда каждая лошадь в нашей стране расценивалась на вес золота. Я много знал и видел случаев непревзойдённого мародерства, как стрельба по овцам, ради того, чтобы полакомиться их мясом. И всё это взятое вместе вызывало во мне чувство глубокого негодования, которое разделяли и другие бойцы будучи ярыми противниками преступных действий своих товарищей. Эти действия позорили Красную Армию и создавали отрицательное мнение

…ерацию сче- командира взвода лейтенанта Грекова, который тоже ничего не имел против таких выходок своих бойцов. В том же взводе, бойцы однажды увели у какого-то крестьянина жеребёнка закололи и съели его. И это делалось всё бойцами Красной Армии, в то время, когда каждая лошадь в нашей стране расценивалась на вес золота. Я много знал и видел случаев непревзойдённого мародерства, как стрельба по овцам, ради того, чтобы полакомиться их мясом. И всё это взятое вместе вызывало во мне чувство глубокого негодования, которое разделяли и другие бойцы, будучи ярыми противниками преступных действий своих товарищей. Эти действия позорили Красную Армию и создавали отрицательное мнение местных жителей, только что освобожденных от фашистской кабалы. Я вмешивался иногда в эти выходки бойцов-мародёров и не давал им возможности что-либо брать. Но что это?! Это противодействие лишь капля в море по сравнению с тем количеством мародерства, которое мы имеем на сегодняшний день.

Наше наступление приняло форму безостановочного продвижения вперёд. Немцы „драпали." Не успевая кое-где забирать свою технику они её уничтожали. Они проявляли удивительную аккуратность, забирая с собой всех раненых и даже трупы убитых солдат и главным образом офицеров. В след отступающим немцам был брошен корпус кавалерии и около сотни танков. Они зашли в тыл врага и много наделали разных делов. „Работу" этих подвижных видов войск нам пришлось видеть. Большое количество уничтоженных немецких автомашин, тягачей, орудий, лошадей с повозками и трупы „фрицев" всюду встречались на пути нашего следования.

В тоже время видели и свои жертвы, убитых и раненых людей и лошадей. Здесь как-то особенно мы обращали внимание на раненых лошадей, которых с перевязками на ногах, голове и прочих местах, вели в ветеринарный лазарет. Они ковыляли и медленно шли в поводу бедные кони. Они тоже выполняли благородную миссию в борьбе с немецкими захватчиками.

Многие из нас считали, что применение ковалерии в современной войне, есть нечто нецелесообразное, так как один автоматчик противника, при налёте ковалерии, может без труда поразить десятки лошадей.

Лестно также отзывались и в отношении танков. Это „железные гробы" говорили бойцы, так как танки тоже страдали в большей мере от бронебойных средств врагов, что не раз отмечал я в своих предыдущих записях.

26-го сентября прошли сожженное село Замятино. В нём мы увидели одних лишь старика со старухой, сидящих на пепелище своего дома и о чём-то рассуждающих между собой.

27-го сентября ночевали вблизи д. Шицово. Находились в мелком лесу. Имея муку на руках, выданную нам вместо хлеба, мы настряпали из неё блины, которые впервые ел после ухода в Красную Армию. В эту же ночь мылся в крестьянской бане, [redacted] и почувствовал в себе большое облегчение после длинных переходов по следам отступающего врага.

Будучи в одной крестьянской избе, имел возможность читать газету „Новый путь" издаваемую власовцами в г. Смоленске.

В этой газете писалась всякая чушь по адресу Красной Армии и Советского правительства. В ней говорилось о том, что в Красной Армии за неимением людского состава пригодного для несения военной службы в данное время якобы служат одни лишь женщины, старики и 15-ти летние дети. Писалось, что Красная Армия небоеспособна, в стране свирепствует голод и проч. И в тоже время до небес воспевали военную мощь Германской Армии, благосостояние не только немецкого народа, но также народа тех территорий, которые оккупированы немцами.

В эти же дни некоторые наши полки прошли районные центры Красное и Монастырщина. Первый из них находится на расстоянии 25 [illegible] время [illegible] лад и проче- военную мощь германской армии до небес, восхваляли благосостояние не только немецкого народа, но также народа тех территорий, которые оккупированы немцами.

В эти же дни некоторые наши полки прошли районные центры Красное и Монастырщина. Первый из них находится на расстоянии 25 клм. от г. Смоленска, а второй в 50 километрах. В начале оккупации этих районов немцами, гитлеровские головорезы учинили кровавую расправу над мирным еврейским населением. Евреев заставляли копать глубокие ямы и на краю их расстреливали по 800 и более человек. В числе их были женщины, старики и дети. Всюду слышались душу-раздирающие крики женщин и детей, но эти крики не вызывали ни какого сострадания у фашистских палачей. Они методично выполняли кровавую расправу над несчастными, которые волей судьбы попали в руки садистов.

В районном городе Красное, решением военного трибунала были повешены в конце сентября четыре человека, которые по свидетельству местных жителей были активными пособниками немецкому гестапо. Эти фашистские лакеи оказывали большие услуги фашистским оккупационным властям в деле поимки и разоблачения советских работников, коммунистов, партизан и тому подобное.

У каждого из повешенных на шее висела дощечка с надписью:

„ПОВЕШЕН ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО
и ИЗМЕНУ Родине.”

Каждый прохожий читал эту надпись и с отвращением отворачивался от искаженной физиономии подлого отродья

Свыше двенадцати человек было так же повешено в городе Смоленске, которые верой и правдой служили нашим врагам. В числе их были и женщина. Эти продажные русские шкуры занимались шпионажем в пользу гитлеровцев. Там же повешен был бывший начальник города Смоленска

Говорят раньше был он городским прокурором. А когда осенью 1941 года в Смоленск зашли немцы, этот иуда с партийным билетом в кармане, встречал их с обнажённой головой и подобострастно говорил:

— Господа, я вас ждал 24 года. И наконец-то дождался.

Да, дождался заслуженного наказания от советского правосудия. Теперь эта профашистская мразь висит на верёвке, как презренная собака.

28го сентября с/г. прошли д. Кутьково, расположенную в 20 километрах от Белоруссии. В момент нашего прохождения через деревню, мы увидели в ней целые толпы народа. Это женщины, девушки и старики вышли на улицу, одевшись в лучшие одежды для встречи бойцов Красной Армии. Они приветствовали нас, улыбались и многие из них говорили:

— Здравствуйте дорогие товарищи! Мы долго вас ждали, и всё же дождались.

Как было отрадно нам слышать эти тёплые слова приветствий и радушную встречу.

В полдень нам стало известно, что один из кавалерийских наших полков, настиг в селе Червонное, расположенной сравнительно недалеко от Красного большой немецкий гарнизон и порубил его.

К вечеру этого дня мы зашли в деревню Павлово. Шёл мелкий, холодный дождь, пронизывающий каждого из нас до мозга костей. Мы шли молча, подавленные отвратительной осенней погодой. Деревня была на половину сожжена. Сгоревшие дома ещё тлели. Слабое пламя огня потухало под мелким дождём. Всюду образовалась сплошная грязь, по которой с трудом пробирались бойцы нашей части.

На улице этой деревни увидел я зрелище, которое потрясло мою душу. На пепелище сгоревшего дома, где ещё слабо мерцал потухающий огонь, сидела старушка и заливалась горькими слезами. Она не обращала внимания на дождь, который насквозь промочил её ветленные

тительной Осенней погодой. Деревня была на половину сожжена. Сгоревшие дома ещё тлели. Слабое пламя огня потухало под мелким дождём. Всюду образовалась сплошная грязь, по которой с трудом пробирались бойцы нашей части.

На улице этой деревни увидел я зрелище, которое потрясло мою душу. На пепелище сгоревшего дома, где ещё слабо мерцал потухающий огонь, сидела старушка и заливалась горькими слезами. Она не обращала внимания на дождь, который насквозь промочил её ветхую кацавейку. Склонив поседевшую голову к себе на колени, старушка неудержимо рыдала. Не выдержал я, подбежал быстро к ней и спросил:

— Что ты плачешь бабуся!? Не плач.

— Со-ожгли-и злодеи, — сквозь слёзы ответила старушка и продолжала по прежнему плакать.

— Не плачь родная. ~~моя~~ Не плач. — склонившись к ней ниже и положив свою руку к ней на плечо успокаивал я.

— Советская власть вам поможет, — продолжал говорить я старушке. — Всем пострадавшим от немцев оказывается помощь в одежде, хлебе, постройке жилища и прочее. Так помогут и тебе бабушка.

— Помогут!? Ну, слава богу. Слава тебе господи что вы пришли мои детоньки. Ах, боже мой, боже мой, где буду жить теперь я, — как будто вспомнив истинное своё положение, вновь со слезами запричитала старушка.

— Где сыны будут жить, — спрашивала сама себя бедная мать, беспокоясь о будущем своих сыновей.

— А где же сыны-то ваши бабушка? — спросил я.

— С начала войны в Красной Армии. Два года уже слухов о них ни каких не имею.

Я бросил ей ещё несколько успокаивающих слов и быстро побежал догонять ушедшее вперёд своё подразделение.

В этот момент я испытывал удручающее в душе состояние. „Эх, ты горе народное"—

№3 Н.М. Трухин.

с болью на сердце я думал дорогой. Вскоре настиг я своих, которые в конце пройденной нами деревни, свернули налево к большому сараю и остановились возле него. Был уже поздний вечер. Дождь не переставал поливать нас. Командование наше решило сделать ночёвку в этом сарае, где оказалось много соломы. Лошадей завели под сарай. Закусили и выставив часовых улеглись на ночлег зарывшись поглубже в солому. Все мы промокли и чувствовали сильное прозябание, поэтому каждый из нас был очень рад мягкой и тёплой постели в соломе, под крышей сарая, защищающей нас от дождя.

Засыпая я думал о Родине, о далёкой холодной Сибири. Думал я о родных, о семье, мной оставленной за несколько тысяч километров. Я вспомнил минувшие годы прожитой мной жизни и в этот момент я почувствовал сильную жажду стремления к жизни, которая представлялась мне в будущем яркой, как солнечный луч, озаряющий путь мне в грядущие годы.

Так уснул я согревшись в соломе и видел во сне свою семью, к которой я буд-то вернулся после войны. Сбросил с плеч свою сумку, крепко обнял жену, сына Борю, мать и дряхлую бабушку и много, много раз целовал их в объятьях. Радость минутной встречи я приятно ощущал в себе проснувшись утром. С рассветом мы все поднялись, изготовили завтрак и крепко поели. Дождь перестал. Я сидел у потухающего костра и медленно курил свою сигарку. Рядом со мной, также сидели ещё два бойца, доваривая картошку в своих котелках. К нам подошли два паренька, в возрасте 16-ти лет, проживающие в этой деревне.

Я спросил их о жизни при немцах.

— Да, что говорить, — отвечали ребята. Гоняли нас немцы работать на них. Хлеб отнимали и жили мы голодом.

— А как относится ваш староста к вам?, -

же в этой деревне, [illegible] лет, прогна-
Я спросил их о жизни при немцах.
– Да, что говорить, – отвечали ребята, Гоняли нас немцы работать на них. Хлеб отнимали и жили мы голодом.

– А как относился ваш староста к вам? – спросил я ребят.

– Выжимал с нас для немцев налог, заставлял работать на них и во всём им способствовал.

– А где он сейчас?

– С немцами утёк.

– Что же, он охотно пошёл на эту службу и выполнял её?

– Ну конечно. Вот Никита у нас не хотел быть старостой, так когда назначали немцы его, он плакал, но не шёл. А Стефан, пошёл сам.

Вскоре была подана команда к выходу. Мы быстро собрались и двинулись дальше. Время от времени к нам навстречу летели снаряды от немцев, рвались в стороне не причиняя ущерба. Противник отступал и в тоже время злобно огрызался.

Уже [redacted] было 19-е сентября 1943 г. Стоял пасмурный день. Первая попавшаяся на нашем пути деревня была Журовичи. Она вся сожжена. Но поджигателей этой деревни постигла такая же участь, как в деревне Язвино. Их настиг эскадрон кавалерии и всех уничтожили. С наступлением дня жители этой деревни, возвращались из [illegible] оврагов обратно и встретили печальное зрелище.

К полудню пришли мы в д. Зверовичи, расположенную на возвышенности вблизи реки Лупо. Деревня была на половину сожжена. В семи километрах от неё проходила граница Белоруссии. Жители этой деревни, с поникшей головой бродили на пепелищах сожжённых домов. Кошки дико мяукали и многие из них как собачёнки бегали за своими хозяевами. Уцелевшие овцы кой у кого неистово блеяли, знать чувствовали они постигшее бедствие. А бедствие было большое, бедствие постигшее советских людей неимоверное.

К 2м часам дня мы достигли д. Кабомяки, а затем Трегубово, где подверглись сильному артиллерийскому огню противника. После этого, спустя несколько часов вернулись в пройденную нами д. Кабомки, где и сделали большую остановку в нашем продвижении. Противник находился за рекой Перея где создана им сильно укреплённая полоса обороны, состоящая из нескольких линий проволочного заграждения, траншей, пулемётных точек и минных полей. Наши части занимали не выгодную позицию находясь в низине реки и подвергались сильному миномётному огню с высот занятых противником, в то время когда мы не имели возможности отвечать должным образом на огонь фашистов. Наша артиллерия, в виду недоставки снарядов и бензина, не передвигалась и бездействовала. Отстали тылы наши, создались перебои в продуктах. Благо на полях было много картофеля, который спасал нас от недоедания и проголоди. В силу создавшихся обстоятельств все наши части перешли к обороне, вследствии чего в наступлении нашем произошла пауза на несколько дней.

Наступила хорошая погода. Я и мой товарищ жили под навесом устроенным нами из плащ-палаток, под укрытием которых мы чувствовали себя словно в хате.

Утром вставали и мылись холодной водой, что протекала бурлящим ключем возле нас. Затем готовили завтрак из овощей и в тоже время вспоминали калининский фронт, где в прошлом году были ещё в худшем положении, так как не получая продуктов не имели мы также картофеля, которого здесь было полное изобилие.

Неподалёку от нас стояли две старые липы. Каждое утро на восходе солнца сидели на них скворцы и напевали весенние песни. Я часто любовался ими и слушал их песни и в тоже время смотрел, как вдали на востоке там где находится край мой родной, вставало большое светило. Получался красивый пейзаж и это зрелище и песни скворцов невольно меня заставили подумать о том, что мир так прекрасен, но прелесть его, человек отравляет войной. А птицы вот не знают кошмара войны, живут себе вольно и в песнях своих выражают торжество [illegible] в [illegible]положении, так как не получая продуктов не имели мы также картофеля, которого здесь было полное изобилие.

Неподалёку от нас стояли две старые липы. Каждое утро на восходе солнца сидели на них скворцы и напевали весенние песни. Я часто любовался ими и слушал их песни и в тоже время смотрел, как вдали на востоке там где находится край мой родной, вставало большое светило. Получался красивый пейзаж и это зрелище и песни скворцов невольно меня заставляли подумать о том, что мир наш прекрасен, но прелесть его, человек отравляет войной. А птицы вот не знают кошмара войны, живут себе вольно и в песнях своих выражают торжество своей жизни.

Деревня Кабаньки совершенно сожжена за исключением одного дома. Жители разбежались в лога и только спустя 2 дня после прихода нас, кое кто из них стал выходить из своих логовищ.

В деревне осталось много куриц, на которых мародёры из нашей среды начали „охоту“. На почве этого у меня с одним из бойцов нашей роты по фамилии Богданович произошел инциндент. Он с автоматом в руках подходил к стаду куриц с явным намерением убить одну из них. Я помешал его замыслу. Он взъелся на меня, но тем ни менее я прогнал его к чёрту. Я не мог терпеть этих куроедов, которые без зазрения совести проявляли своё хамство. К сожалению в нашей среде было не мало таких хамов.

Дни шли за днями. К 3-му октября подтянуто было небольшое количество артиллерии и произведена не особенно мощная артподготовка, после которой предпринята была бесполезная попытка наступления, имевшая весьма трагические последствия.

Поднявшаяся в атаку наша пехота была прижата противником к земле, огнем артиллерии, миномётов и пулемётов. В результате мы понесли значительные потери и мысль о наступлении сама собой отпадала, так как в каждом полку за истекшее время оставалось не более 200-т человек.

Немцы остались на занятых ими высотах, а наши полки на прежних позициях вблизи р. Мерея, служившей границей между Белоруссией и Смоленской областью.

Опять наступил позиционный период. Продолжалось подтягивание отставшей техники и боеприпасов.

4-го октября я и товарищи нашего подразделения были свидетелями интересного случая.

Во взводе у нас был украинец, некто Рогозный. Прекрасный товарищ и душа человек. Брат его тоже на фронте был и часто они обменивались друг с другом письмами. Несмотря на

№3 Н.М. Трухин.

усиленную проверку, им удалось через посредство частей сообщить друг другу номера частей и место нахождения. Благодаря этому сын Рогозного, нашёл своего отца. Он пришёл к нам вечером 4го октября, что было полной неожиданностью для нашего Рогозного. Они друг друга не видели свыше двух лет, а поэтому сколько радости было при встрече их в силу необычайных обстоятельств.

Мы все были рады за счастливца отца, который крепко прижимал к себе сына-бойца. Я вспомнил при этом своего сына Борю и что-то вдруг защемило мне сердце, в глубине которого я испытывал тоску о семье.

Настали холодные длинные ночи, в течение которых вода покрывалась тонким слоем льда. Птицы улетали на юг. Я видел как целые стаи жаворонков покидали наши поля, улетая туда, где нет пурги и метелей. Видел как гуси-казарки большим косяком направлялись на юг издавая прощальные крики. Долго следил я за их полётом и думал как счастливы эти вольные птицы, которым приходится лишь позавидовать.

День ото дня становилось холоднее, что весьма внушительно напоминало нам о приближении холодной зимы. Каждый из нас представлял себе тяжесть в период зимы, как наиболее трудного времени для солдата.

8го октября в 11 ч. 20 минут началась усиленная артиллерийская подготовка с нашей стороны. Следует заметить, что за последние дни наша дивизия получила некоторое пополнение в людском составе. В числе пополнения были бойцы из госпиталей и преобладающее количество призванных в армию мужчин различного возраста, из районов недавно освобождённых нами от немцев. Это было довольно хорошее ядро пополнения. После произведённой артподготовки поднявшаяся наша пехота достигла переднего края обороны противника. Немцы под натиском наших частей отходили. Однако отход этот с левого фланга нашего участка фронта не был значительным, за исключением правого фланга, где нашим частям удалось пройти

за [illegible] двадцати километров.

Левым соседом у нас была польская дивизия имени Тадеуша Костюшко из корпуса генерал-майора Берлинга. Она крепко была оснащена [illegible] нашим частям отходить. Однако отход этот с левого фланга нашего участка фронта не был значительным, за исключением правого фланга, где нашим частям удалось пройти за два дня свыше двадцати километров.

Левым соседом у нас была польская дивизия имени Тадеуша Костюшко из корпуса генерал-майора Берлинга. Она хорошо была оснащена [illegible] первокласным оружием и действовала надо сказать хорошо. Она окружила два немецких полка и методично их уничтожала в течение 2х – 3х дней.

Немецкие Хейнкели и Мессершмитты активно бомбили поляков, стараясь тем самым облегчить выход из окружения немецких полков, однако эти меры немецкого командования отнюдь не облегчили положение захваченных в тиски окружения.

Мы не особенно лестно отзывались раньше о боеспособности поляков, но когда узнали об их успехах, восторгались ими.

11го октября в 6 час. утра вновь началась артиллерийская подготовка, а затем наступление 7го корпуса, в то время как наш 19й гвардейский корпус шёл во втором эшелоне. На этот раз наступление не имело должного успеха.

14го октября наша дивизия, как наиболее потрёпанная, отошла для пополнения в тыл. При нашем отходе, пришлось нам идти через деревню Любавичи (КРАШЕНСКИЙ Р-Н), где вновь я увидел, как в Красном, повешенного. Это был местный староста в бытность немецкого владычества и говорят был хорошая сволочь, поэтому решением военного трибунала он получил заслуженное возмездие. Его коллега из соседней деревни Малахова, отличался более умеренным поведением, поэтому он получил значительно мягкую меру наказания – 20 лет каторги.

Наша дивизия прибыла в район деревни Гребени. Надо сказать, что ближайшие деревни каким-то чудом уцелели от пожаров и местное население почти не пострадало от немцев. Это исключительное явление во время [redacted] отступления немцев.

Вечерами здесь можно было видеть кой какую молодежь. Местные девушки распевали частушки, рождённые в период войны. Мне удалось некоторые из них записать:

Ходит Фрося по деревне,
По домам прощается:
– Меня в Германию угоняют –
Жизнь моя кончается.

Скоро, скоро нас запишут.
Скоро, скоро нас возьмут
Как приедут „полицаи"
Так в Германию свезут

ПО ДЕРЕВНЕ РЫЩЕТ НЕМЕЦ,
ИЗ БАНДИТСКОЙ ШАЙКИ
СТАЩИТ ШУБУ И ПРИКРИКНЕТ
– ДАЙКА, МАТКА, ЯЙКИ.

ПОМОЛИТЕСЬ БАБЫ БОГУ,
ЧТОБЫ НЕМЕЦ ОКОЛЕЛ.
ТРЕТИЙ ГОД УЖ ОН ВОЮЕТ,
КАК СОБАКА НАДОЕЛ.

С НЕБА ЗВЕЗДОЧКА УПАЛА
ПРЯМО В САНАТОРИЮ.
СКОРО КРАСНЫЕ ПРИДУТ
НА НАШУ ТЕРРИТОРИЮ.

[illegible] не в [illegible]
следует в тетради [illegible]

надежда сбылась. Люди украдкой слагавшие при немцах частушки, запели полным голосом. Возвращённые в родную советскую семью, свободные они в песнях славят свою освободительницу — родную Красную Армию.

В период нашего кратковременного пребывания в тылу, нередко можно было слышать в нашем подразделении игру на гармошке и песни бойцов. Вот Сергей — гармонист искусно играет „Ой вы кони мои вороные" аккомпанирует песню „Раскинулось море широко" и много других замечательных песен поёт итальянка — гармонь, любимая спутница наших бойцов.

Вот Лёня „сынок" напевает алтайскую песню о том как ухарь-шофёр на почве любви трагически погиб в Алтайских горах:

„.... Он трёхтонную Амо-машину
Как родную сестрёнку любил.
Чуйский тракт до Монгольской границы,
Он на АМО своей изучил....."

Лёня Ямачёв, о котором Я уже упоминал однажды в своих записках, был самый младший из наших бойцов. Рождения 1924 года, — он выглядел мальчиком. По внешности он сильно похож был на моего сына Борю и я часто с любовью смотрел на него, словно видел перед собой своего сына. Лёня мне [redacted] нравился своим простодушием, добрым, безхитростным сердцем и тем уважением, с которым относился он к старшим. Лёня — это воплощение моего сына, с той только разницей, что голос его звучал иначе чем у Бори и был он одет по военному.

После двухдневного пребывания в районе деревни Ярёвки вышли мы вновь к линии фронта. Опять шли через Любаньки и опять пришлось видеть смердящий труп повешенного, который висел на ветке в течение 4х дней. Его искажённое лицо почернело. Каждый читал надпись сделанную на фанерной дощечке, повешенной ему на шею и плюнув с отвращением в его сторону говорил:

— Так тебе и надо мать твою так.

К 18му октября мы находились в районе деревни Кисёлки, а затем Золотовичи недавно освобождённых от немецких захватчиков. К этому времени наши войска на участке нашего фронта перешли к обороне. Пробыли на новом месте два дня, а 20го октября снова двинулись в путь на этот раз вдоль линии фронта! Накануне выхода нашего, ночью у меня произошёл такой случай.

В ночь на 20е октября уложились мы спать фанерной дощечке, повешенной ему на шею и плюнув с отвращением в его сторону говорил:

— Так тебе и надо мать твою так.

К 18му октября мы находились в районе деревни Кисёли, а затем Золотовичи недавно освобождённых от немецких захватчиков. К этому времени наши войска на участке нашего фронта перешли к обороне. Пробыли на новом месте два дня и 20го октября снова двинулись в путь на этот раз вдоль линии фронта. Накануне выхода нашего, ночью у меня произошёл такой случай.

В ночь на 20е октября улёгшись мы спать под укрытием наших палаток. Как-то мне что-то не спалось и я поминутно ворочался с боку на бок, прислушиваясь к отдалённой стрельбе из автоматов. Порой разрывались снаряды и слышались пулемётные очереди. А потом наступала опять тишина. Что за чертовщина, с досадой думал я, что то не спится. И так мне не раз приходилось проводить безсонные ночи ещё на Калининском фронте. Я поднялся, зажёг под палаткой немецкий светильник и начал писать стихотворение „Ночи безсонные“.

Ночи осенние, ночи безсонные
Глаз не смыкая, я вас коротал
Вспомнил дороги недавно пройдённые,
Враг по которым назад отступал.....

Вдруг до моего слуха донесся отдалённый, истерический крик девочки:

— Папенька, что ты делаешь... Папенька...

Затем послышались женские вопли.

— Ай, яй, яй!!! Куда ты повёл лошадей? Ай, Боже мой, куда же повёл....

Мои товарищи тоже услышали крики, проявляя безразличие к происходящей не подалёку от нас неизвестной истории.

Я схватил автомат, без шапки, в одной гимнастёрке выскочил из палатки и побежал навстречу неистовым крикам. На пути моём была небольшая речушка, которую я перешёл, намочившись в воде по колен и почувствовал сильный озноб от холодной октябрьской воды. Крики замолкли. Но когда выбрался я на противоположный берег, то в право от себя с трудом заметил в ночной темноте силуэты двух идущих лошадей. Я бросился к ним и вскоре увидел, что коней ведет под уздцы человек. Вскидывая

№3 Н.М. Трухин.

на изготовку свой автомат. Я подбежал к неизвестному на расстояние десяти метров и крикнул:

— Стой. Куда повёл лошадей?

Он бросил поводья и щёлкнул затвором. Однако не дал я поднять ему винтовку на уровень прицела, наставивши на него автомат, крикнул ещё раз:

— Брось! А то стреляю.

Он стоял неподвижно с опущенной винтовкой. Это был рядовой боец, в отношении которого в данный момент я питал сильную злобу и ненависть. Словно молния мелькнула в голове у меня мысль, надавить спусковой курок автомата и дать по мародеру короткую очередь. И в тоже время подумал я о семье его, которая, быть может, состоит из малых детей, после чего опустил я автомат и решительно подошел к нему вплотную.

Передомной был пожилой татарин в одежде бойца.

— Зачем ты украл лошадей? — с укоризной я стал говорить. Своим поступком ты только обостряешь население против Красной Армии. И кроме того, здешнее население пострадало не мало от немцев, а тут ещё ты причинять будешь пакость им.

Татарин испуганным голосом мне объяснил, что недавно потерял он коня. Командир его подразделения сказал ему, чтобы он во, что бы то ни стало нашёл себе лошадь свою или чужую безразлично. Поэтому не найдя потерянную лошадь, он решил украсть у населения.

— Ладно. Оставь. Пусть возьмут своих коней, — сказал мне татарин.

Я отпустил его. Поймал за повод разом стоявших лошадей и громко крикнул:

— Эй, хозяйка! Забирай лошадей.

[illegible] укрылись у населения.

— Ладно. Оставь. Пусть возьмут своих коней, — сказал мне татарин.

Я отпустил его. Поймал за повод рядом стоявших лошадей и громко крикнул:

— Эй, хозяйка! Забирай лошадей.

Из сумрака ночи, послышался голос хозяйки, которая тотчас прибежала со своей девочкой. Ноги мои окончательно замёрзли. Хозяйка украденных и возвращённых ей коней не знала как меня благодарить.

Видя, что я сильно озяб, она пригласила меня к себе в погреб, где ютилась она со своими детьми, так как дом был сожжён. Поставили коней на прежнее место, затем я спустился в своеобразное жилище, где топилась железная печка. Разувшись я начал сушиться у печки, покуривая завёрнутую косушку.

Женщина, в погребе которой сидел я, с виду имела лет сорок. Имела она пять детей и наряду со всеми сильно пострадала от немцев и только чудом удалось ей скрыть от них лошадь.

— Спасибо тебе мой родной, спасибо. Что бы стала я делать без лошади? Дай тебе Бог живым и здоровым вернутся домой.

Я был благодарен ей, за её добрые пожелания и вместе с тем доволен, что оказал ей хорошую услугу. Подсушив свои портянки и вдоволь нагревшись у печки, я быстро обулся и попрощавшись с хозяйкой поднялся наверх. Девочка указала мне переход через речку и вскоре пришёл я обратно к месту нашего расположения.

Все спали за исключением выставленных на пост часовых. Я забрался на прежнее место, хотел было продолжать начатое мной стихотворение, но почувствовал желанье прилечь. Одолея [illegible], представил ещё раз себе происшедшее, забылся и вскоре уснул.

Кто бы подумал, или на миг бы представил себе, что в среде военнослужащих нашей славной Красной Армии есть мародёры и трусы, воры и предатели, садисты и [illegible], подхалями и шкурниками, карьеристы и бездарные чиновники в форме красных офицеров. Трудно поверить, если сам не увидишь всю эту шваль, которая до поры до времени скрывается под серой шинелью. Однако бывают моменты, что эти мерзавцы показывают иногда в полной наготе свою подлую душу, а затем как улитка прячут поглубже её.

Утром 20го октября мы покинули д. Золотовичи и пошли на 50 километров правее данного участка фронта. Вот прошли районный центр Лядье. Движутся с нами собаки - подрывщики танков. На спине у каждой из них прикреплены коробки тола с капсюлей. Бедные животные не знают, что бросаясь под танк, их ожидает такая же участь, как это стальное чудовище, которое разлетается словно спичечная коробка от сильного взрыва заложенного тола.

В полдень сделана была остановка вблизи д. Клименки, где изготовили себе обед, а затем тронулись дальше.

В 4 часа дня в районе деревни Бовщево перешли верховье реки Днепр, по понтонному мосту. Впервые увидел я русскую эту реку. „Днепр широкий." Но здесь он был узкий, так как почти отсюда брал своё начало.

Путь наш лежал к линии железной дороги Москва - Минск. Вскоре догнали мы женщину, которая шла в свой хутор, расположенный в 3х километрах от пройденной нами деревни.

Я спросил у ней как вели себя немцы в момент их отступления через их хутор.

- Немцы теперь уже не те, что были в 1941 г. - сказала мне женщина. Тогда они были весёлые, - продолжала она. И нередко можно было слышать от них: „Война скоро матка капут. Через 3 недели Москва будет наша!" А теперь, бывало, спроси у них о Москве, так немец в морду тебе даст. Не любят когда про Москву у них спрашивают.

Я спросил у ней о делах ихней жизни.

- Почти всё сожгли у нас немцы, - отвечает мне женщина.

- Сейчас вот наводим порядок. Меня избрали председателем колхоза. Много среди них есть враждебных советской власти людей. [illegible]

…терь уже не те, что были в 1941 г. … хутор. сказала мне женщина. — …ло весёлые, — продолжала она. Тогда они бы… …ко можно было слышать от них: „[illegible] скоро матка капут. Через 3 недели Москва будет наша!“ А теперь, бывало, спроси у них о Москве, так кулак в морду тебе дасть. Не любят когда про Москву у них спрашивают.

Я спросил у ней о делах ихней жизни.

— Почти всё сожгли у нас немцы, — отвечает мне женщина.

— Сейчас вот наводим порядок. Меня избрали председателем колхоза. Много среди наших есть враждебных советской власти людей. Теперь притаились они, да знаем мы их. Выкорчуем.

— Да, вредных людей здесь встретить можно немало, — сказал я.

— Благодаря им — паразитам немцы мужа моего расстреляли. Раньше он был председателем сельсовета. Выдал один, ну и погиб мой мужик.

Вскоре свернула она от нас в сторону, направилась к небольшой группе стоявших неподалёку домов, а мы продолжали свой путь.

Нам известно, что благодаря нанесённым ударам Красной Армией по военной фашистской машине, воинственный дух современного немца, сменился полной безнадёжностью. Если раньше пленные фрицы отзывались о войне как о лёгкой прогулке, считая, что им выпало большое счастье участвовать в этой войне, так как в противном случае, тот или иной Фриц или Ганс должен был гнить у станка фабриканта, как гниёт ещё отец его или брат, то теперь считают они, что затеянная Гитлером война чревата весьма катастрофическими последствиями для Германии. Поняли, но несколько поздно, истинное положение своих дел, эти цивилизованные дикари, которые приходят в ужас, когда будучи ранены, они оказываются в нашем госпитале, где прибегают иногда к помощи донора, вливая им кровь и позднее заявляют им, что вливалась еврейская кровь, отчего возникает у них полное отчаяние. Они считают, что влитая в него для спасения жизни еврейская кровь осквернила его и его арийское происхождение.

во время нашего передвижения, мы зачастую наблюдали как немецкие „Мессеры" и „Фокке-вульфы" кружились над нами, как стервятники.

Нередко наша истребительная авиация сталкивалась с ними, в результате чего завязывался воздушный бой, в итоге которого успех борьбы, в большинстве случаев был на стороне наших врагов.

С грустью в душе, видел я как не раз загорались наши „Л-5" и с воем летели на землю, где от сильного взрыва разлетались на мелкие части. Видел я как подбитые немецкими лётчиками наши самолёты словно метеоры летели объятые пламенем на землю. Видел разбившихся лётчиков и тех немногих счастливцев, которым удавалось спуститься на парашютах. Успехи истребительной авиации противника я объясняю тем, что они обладают гораздо большей скоростью чем наши истребители. К этому выводу я пришел, после продолжительных наблюдений, за действиями вражеской и отечественной авиации.

Доходим до линии железной дороги идущей на Минск. При своём отступлении немцы порвали все рельсы правой колеи и вместе с этим при помощи бронепоезда и какого-то приспособления сломали на пополам все железнодорожные шпалы. Так что линия была совершенно разрушена и только одна оставалась относительно целой асфальтированная, идущая рядом шоссейная дорога.

Прошли сожженную деревню Шушки и достигли небольшого пихтового леса,

ла не только нашей части, но также и других идущих по этой дороге частей. Уже темнело. Оказывается проход и проезд запрещён через лес, так как в нём расположен был штаб 31-й армии.

Образовалась пробка. Стояли конные повозполам все безисключения штабы. Так что линия была совершенно разрушена и только оставалась относительно целой асфальтированная, идущая рядом шоссейная дорога.

Проехали сожжённую деревню Шушуки и достигли небольшого пихтоватого леса, где произошла непредвиденная задержка не только нашей части, но также и других идущих по этой дороге частей. Уже темнело. Оказывается проход и проезд запрещён через лес, так как в нём расположен был штаб 31-й армии.

Образовалась пробка. Стояли конные повозки, тягачи с орудиями, грузовые автомашины и пешие подразделения. Эта бестолковая стоянка продолжалась свыше полутора часов. Но вот появился откуда-то генерал-полковник, фамилию которого мне узнать не пришлось. Это был громадного телосложения и роста мужчина. Он зычным голосом крикнул:

— Кто здесь начальник колонны?

Вокруг никто не ответил.

— Я спрашиваю, кто здесь начальник колонны, — ещё громче вскричал генерал.

Тогда кто-то неуверенно ответил:

— Он впереди, кажется.

— Позвать мне его быстрее сюда.

Неизвестный солдат бросился бегом отыскивать начальника колонны и спустя минут пять прибежал с ним к генералу.

Начальник колонны был старший лейтенант, он нерешительно подошёл к генералу и представился.

— Почему вы бардак здесь устраиваете. Кто разрешил вам заехать сюда, ... вашу мать! Я морду тебе сворочу, — перейдя на „ты“, с гневом кричал генерал.

Старший лейтенант безмолвно стоял перед ним. Меня поразила эта площадная ругань генерала, который свирепо кричал и осыпал лейтенанта матерщиной как сапожник. В этот момент откуда-то взялся один из бойцов, вероятно постовой с перекрёстка дороги и вдруг истошным голосом закричал:

— Убирай с дороги автомашины!

После чего юркнул к кабине шофёра.

— А ну-ка приведите ко мне его, — сказал генерал несколько тише, чем прежде. Солдат-крикун моментально был представлен к генералу. Последний весьма внушительно стал ему говорить.

— Чего ты командуешь тут? Если уж я появился здесь, значит командую я. Иди.

Солдат быстро исчез, а генерал повернувшись к автомашине "Шкоде-Бекер" громовым голосом вновь "закричал на сей раз на шофера.

— Чего ты стоишь здесь? Какой части?

— 65-й гвардейской.... товарищ генерал-полковник, — робко ответил шофер.

— Гвардейцы з......ные вы!.... так вашу мать. Уезжай прочь отсюда!

И много ещё кой на кого накричал генерал, а затем удалился куда-то, после чего пешие и конные подразделения и автомашины стали объезжать и уходить по дорогам в обход направо и налево, оставляя свободной центральную дорогу.

Я больше ещё поражён был невежеством генерала и тем, что сравнил он гвардейское званье. Не знал этот балбес, что его площадная брань и компрометация гвардейцев вызывали у бойцов отрицательное мнение о нём.

Тут же услышал я шутки и смех кой-кого из солдат. Вот один из них хлопая по плечу своего приятеля — высокого детину, говорит товарищам:

— По сравнению с генералом наш Андрюшка пацан.

Раздался смех.

— Да-а, Андрюшка наш "бедный" в сравнении с ним, — отозвался со смехом другой из солдат.

— А голос какой, словно труба иерихонская, — заметил следующий солдат. И вновь

се засмеялись, [illegible] с другими отправились по дороге в правую сторону. Была уже ночь. Так прошли мы обходом ещё 10 километров, после чего добрались до полусожжённой деревни Стаховщина — места нашего маршрута.

Раздался смех.

— Да-а, Андрюшка наш „бедный" в сравнении с ним, — отозвался со смехом другой из солдат.

— А голос какой, словно труба иерихонская, — заметил следующий солдат. И вновь все засмеялись. Наше подразделение наряду с другими отправилось по дороге в правую сторону. Была уже ночь. Так прошли мы обходом ещё 10 километров, после чего добрались до полусожжённой деревни Стародубщина, — места нашего маршрута.

Нашли заполненный сеном сарай, в котором и остановились на ночлег. В потёмках покушали хлеба, выставили часовых и улеглись спать на мягком и душистом сене.

В эту ночь крепко я спал, вдыхая полной грудью, пряный запах зелёного сена.

Утром изготовили завтрак. От жителей здесь я узнал, которых осталась десятая часть, что здешняя местность с лесами, раньше была собственностью князя Любомирского, проживавшего в Варшаве.

21го днём намолотили своими силами брошенный в снопах овёс, принадлежавший бывшим „помещикам" Стародубщины, которые убежали вместе с отступившими немцами. Овёс был большим подспорьем для наших коней, так как ПОП нам давно уже не давал нам его.

В ночь опять продолжали свой путь. К 3м часам ночи на 22е октября с/г. прибыли в район деревни Волково и сделали днёвку, а следующей ночью зашли в большой лес. Местность была болотистая, что напоминало мне Калининский фронт.

24го октября была проведена артиллерийская подготовка по подавлению огневых точек противника, после чего наша пехота предприняла атаку, в результате которой была взята д. Шеки и Гребенники. Однако деревня Гребенники вследствие контратак противника, неоднократно переходила из рук в руки.

В этот день убита была бывшая в нашей роте военфельдшер тов. Емельянова П. Д.

Пуля немецкого снайпера, поразила её в голову и она как сноп упала на землю.

Сейчас её могила обнесённая изгородью из берёзовых жердей, стоит вместе с другими похороненными боевыми товарищами возле дороги в лесу, а на памятнике на котором свит венок из зелёных веток пихты, перевязанный красной лентой, сделана надпись:

„Здесь похоронена Емельянова Полина Дмитриевна рождения 1920 года, гвардии младший лейтенант медицинской службы.

Погибла в бою за Родину 24 октября 1943 г.

Война!!! Сколько этих безымянных могил создала она в разных местах нашей Родины. А сколько их будет ещё?

25-го Октября продвигались с боями вперёд. Преодолевали сильные укрепления немцев, которые создали здесь двойные, а местами тройные линии проволочных заграждений и минировали все доступы к ним. Все земляные дороги минированы, так что каждое передвижение приходится делать с большой осторожностью. Сапёры в лесу строят дорогу и с собаками разыскивают мины. Наши полки достигли реки Вершта.

26-го Октября небольшая группа наших разведчиков, в количестве всего лишь трёх человек: ст. сержанта Еремеева и рядовых Прокофьева и Лямина совершили смелый налёт с левого фланга на расположение противника. В это время немцы забились глубоко в землю и вели по нашей пехоте ураганный огонь из пулемётов и автоматов. Приметив откуда стреляют фрицы тов. Еремеев обошёл их слева. Вплотную подобравшись к вражеским блиндажам храбрые разведчики решили вступить в бой. Тов. Еремеев громко скомандовал: „Первая рота – слева, третья рота – за мной, в атаку! Ура.“

По этой команде три разведчика ринулись в немецкие блиндажи. В панике фрицы побежали. Их оказалось больше пятидесяти. Наши пехотинцы начали преследовать отступающих немцев. Группа разведчиков захватила пленного и трофеи, после чего без потерь

вернулись в своё подразделение. Это были бойцы командира роты разведчиков старшего лейтенанта тов. Кедова, награжденного орденами Красной Звезды и ку „ура“.

На этой команде три разведчика ринулись в немецкие блиндажи. Все фрицы побежали. Их оказалось больше пятидесяти. Наши пехотинцы начали преследовать отступающих немцев. Группа разведчиков захватила пленного и трофеи, после чего без потерь вернулась в своё подразделение. Это были бойцы командира роты разведчиков старшего лейтенанта тов. Чехова, награждённого орденами Красной звезды и Отечественной войны. Этот молодой командир не в пример другим имел наилучшие качества. Требователен, настойчив в достижении поставленной задачи, вместе с тем он был вежлив к бойцам. Был он для них не только командир, но и хороший товарищ, разделяющий все тяжести этой войны. Не раз сидя у костра вёл он задушевные беседы с бойцами. Шутил с ними, курил и смеялся и все это взятое вместе располагало к нему подчинённых, которые любили его и готовы были пойти с ним в огонь и воду. Такие же качества были у лейтенанта Стрелкина – начальника разведки штаба дивизии. Однако немного я знал таких командиров, которые в полном смысле слова пользовались уважением со стороны подчинённых бойцов.

Жизнь фронтовая бурлит как фонтан. Струя его с силою хлещет на запад очищая землю наших отцов от иноземных пришельцев. В эти дни каждый солдат наш, много пережил испытаний. Много пережил он военных невзгод. И много передумал солдат сидя в сырых и глубоких траншеях. Он думал о том, скоро ли кончится эта война, скоро ли он, ещё уцелевший пока, вернётся обратно к семье.

✓ Один из товарищей сказал мне однажды, что война утомила его. Устал он нравственно и физически и хотел бы теперь отдохнуть. Но разве имеем мы право думать об отдыхе, когда враг находится ещё на значительной части нашей территории? Нет, конечно. Мы должны направить свои силы на полное изгнание фашистов. И после того, когда мы закончим благородную миссию, возложенную на нас нашей Родиной, только тогда обретём себе право на отдых, – отдых среди родных и друзей.

27го октября наша пехота достигла деревень Шарупы, Петрика и др.

Противник занял большие высоты, где заранее созданы им большие укрепления, вследствие чего произошла остановка в нашем продвижении.

Немцы ведут по нашим позициям интенсивный огонь из орудий и шестиствольных минометов – „Скрипунов", противный звук которых можно слышать в разных направлениях.

29го октября в 7 часов утра наши соседи с правого фланга начали сильную артиллерийскую подготовку. Сплошной гул орудийной канонады длился свыше 2х часов. Затем в 9ч утра на нашем участке фронта началась также большой силы артподготовка. Немцы, как обозлённый раненый зверь, огрызались под звуки грохота наших снарядов.

Всюду поднялся высокий чёрный дым и день без того уже сумрачный от ненастной осенней погоды, казался нам тёмным и мрачным. В эту симфонию бога войны, вливались милые звуки „катюши" посылающей щедро „гостинцы" в сторону немцев.

От взрывов снарядов, брошенных немцами в пустые, близь расположенные, но не-сожжённые деревни загорелись дома. Кругом всё грохочет и в пламени пожаров объята белорусская земля. Сыны нашей Родины поднялись из траншей и пошли на врага. В огне железного ада куём мы победу над коварным врагом.

/29 ОКТЯБРЯ 1943г. 12ч. дня/.

1го ноября 1943 года /Белоруссия/.

Попытка сбить противника из занятых им укреплений 29го октября не увенчалась успехом.

Наша пехота достигла уже проволочных заграждений врага, где подверглась сильному ружейно-пулеметному огню и обстрелу минометов. О создавшемся положении поставили в известность полковника Колобутина. После-
по телефону

располо-
женные, но не-сожжённые деревни
загорелись дома. Кругом всё грохочет
и в пламени пожаров объята Бело-
русская земля. Сыны нашей Родины
поднялись из траншей и пошли на
врага. В огне железного ада куём мы
победу над коварным врагом.

/29 ОКТЯБРЯ 1943г. 12ч. дня/.

7го Ноября 1943 года /Белоруссия/.

Попытка выбить противника из занятых им укреплений 29го октября не увенчалась успехом. Наша пехота достигла уже проволочных заграждений врага, где подверглась сильному ружейно-пулеметному огню и обстрелу минометов.

О создавшемся положении поставили в известность комдива - полковника Колобутина. Последний отдал следующий приказ по телефону:

- На рожон не лезьте. Давайте огонька и закапывайтесь в землю.

Так и сделала наша пехота. Она зарылась в землю почти под носом противника. Таким образом все наши части перешли к обороне. После нескольких дней сражений далеко не полные наши полки ещё больше поредели так, что в некоторых из них осталось не больше сотни человек как например 258й полк и др.

Начался период позиционной войны, в результате которой немцы продолжают оказывать упорное сопротивление на занятых ими рубежах пересекающих деревни Новое-Село, Будиловичи, Запольe и др. относящиеся к Дубровинскому району Витебской области и деревни: Буда, Шабаны Оршанского района той же области. Время от времени гитлеровцы открывают ураганный огонь из орудий. Шквал раскалённого металла с воем летит в нашу сторону. И вдруг раздаются разрывы снарядов, после чего чёрный дым сплошной пеленой поднимается к верху, создавая какое-то мрачное зрелище.

Но это лишь впечатление. По существу это предсмертная агония подыхающего фашистского зверя, который накануне своей смерти злобно огрызаясь, скалит поредевшие зубы, большая часть которых уже выбита могучими ударами Красной Армии. Эти удары становятся всё сильней и чувствительней для фашистских захватчиков. В результате этих ударов Красная Армия освободила 2/3 оккупированной советской земли и прошла в течение истекшего года до 1.300 километров на юге. Наша часть гвардейцев сибиряков прошла в наступательных боях свыше трёхсот километров. Путь пройденный от деревни Баскаково до пределов Витебской области ознаменован большими успехами нашей дивизии. В славной плеяде защитников Родины первое место занимает Герой Советского Союза Саша Матросов - боец 254го полка нашей дивизии, который в зимнем наступлении прошлого года своим телом закрыл амбразуру немецкого дзота и тем самым прервал стрельбу немецкого пулемётчика, чем и дал возможность блокировать дзот. Матросов погиб /в то время он был в 91й бригаде/ но слава о нём разнеслась во все концы нашей необъятной Родины.

Путь пройденный нами с 7го Августа по октябрь месяц — знаменательный путь, который войдёт в историю нашей дивизии.

В данное время на нашем участке фронта сложились такие обстоятельства, что не имея достаточно подкреплений мы вынуждены топтаться на месте, однако на юге дело обстоит куда лучше. Вчера, то есть 6го ноября, радио принесло нам отрадную весть: взят город Киев.

Стольный город древней Руси снова наш!

В честь взятия Киева, — 6го Ноября в 17 часов столица нашей Родины — Москва салютовала нашим войскам освободившим Киев, — двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырёх орудий.

У всех нас возникло большое воодушевление и радость. Утром 7го Ноября — в день 26й годовщины Октябрьской революции выпал первый снег, а с севера дул холодный ветер. К этому времени я со своими товарищами находился в выкопанном нами блиндаже, где мы поставили найдённую нами в сожжённой деревне железную печку. Было тепло и уютно. Находясь в тридцати километрах от гор. Орша и в семидесяти пяти километрах от Витебска, пока ещё занятых немцами, справляли мы праздник Октябрьских торжеств. Получили по 200 гр. водки, по 150 гр. колбасы и 50 грамм сала для закуски, провозгласили тост за успешное и победоносное окончание войны и выпили праздничную дозу вина.

Вскоре послышались оживлённые и развязные разговоры, а затем раздалась общая русская песня „Меж крутых берегов."

По окончании песни вновь было можно услышать весёлый говор, шутки и воспоминания прежних дней нашей жизни.

В эти минуты забыли солдаты перенесённые ими невзгоды и трудности, которых немало пришлось испытать за период истекшего года.

Но вот опять послышалась песня. На этот раз украинец Рогозный, всеми уважаемый наш сержант, затянул старинную песню родной Украины.

Та нема гирш никому,
Як тый сыротыни,
Та ни хто й непригорны.
При лихій годыни.

Та не пригорны батько,
Та не пригорны маты.
Хиба той пригорны
Ще хоче взяты.

Сырота втомывся
На тын похилывся.
Люды кажут
Сырота напывся.....

— Дальше забув, — прекратив своё пенье сказал украинец.

— Эх и поют же наши хохлушки гарно, — добавил он. — Но есть и такие — орёт як корова. Мы разстроились. И вдруг он запел залихватский напев, рождённый в давние те времена, когда запорожцы защищая свою волю не раз сталкивались с турками [redacted], с поляками и крымским ханом И В БОРЬБЕ С НИМИ отстаивали свою свободу.

Рогозный пел:

Ой че пан, че пропал
Сим раз не умираты.
О гэ-гей нумо хлопцы до сброи
Нам поможет святый боже
Ще пречиста маты
Турка звоеваты.

И долго ещё были слышны в землянке песни и говор и только лишь время от времени они прерывались на короткое мгновенье. День клонился к концу.

Вечером случайно я встретился с агитатором из политотдела дивизии тов. Вздор. С ним произошла у меня небольшая дискуссия по вопросу взгляда русских людей на свою жизнь.

— Русские, это такой народ, — говорит Вздор, — всегда выражают свои лишь обиды, страдания и совершенно умалчивают о счастьи и радости человеческой жизни.

— Это неверно! — возразил запальчиво я. — Это клевета на русский народ и Вы не правы в этом случае тов. Вздор. Русские люди, пережившие мрачные времена крепостничества, пережившие всю тяжесть капиталистической эксплоатации, они вполне справедливо выражали в то время свои страдания. Но после того, когда почти весь русский народ в Октябре 1917 года сбросил с себя многовековое ярмо, он вздохнул полной грудью и стал строить свободную жизнь без помещиков и капиталистов и в этом нашёл своё счастье и радость.

Поэтому ещё раз повторяю, что вы не правы так рассуждая о русском народе, из рук которого все малые национальности и в том числе ваша /. Вздор - был еврей /., получили полную свободу.

После моего высказывания, окружающие нас товарищи одобрительно кивали головой, а Вздор не стал возражать, заявляя, что я не так его понял как следовало.

День 7го Ноября уже кончился. Наш праздник истёк. Впереди фронтовые будни. Впереди много случайностей и неожиданностей, последствия которых для нас не известны.

12 Ноября 1943 г.

Продолжаем стоять на прежних позициях. Однако имеются уже предпосылки к наступательным действиям в ближайшее время. За последние дни гитлеровцы стали предпринимать дерзкие вылазки, совершая разведку боем, стараясь в тоже время захватить „языка". Так например в ночь на 11е Ноября в районе переднего края 254го им. А. Матросова полка, нашей дивизии, появилась большая группа немецких автоматчиков, которая двигалась в направлении наших окопов. Немцы допущены были на близкое расстояние, после чего по ним открыт был огонь, в результате которого около тридцати человек осталось на поле обстрела. Группа противника отошла назад и как оказалось предприняла такую же попытку в расположении наших соседей с правого фланга — 65й дивизии. Путём внезапной атаки и ценой человеческих жертв, немцам удалось захватить 2х человек и увести с собой. В числе захваченных попали парторг одной из рот дивизии и комсорг батальона. Не трудно представить себе, какая участь ожидает захваченных немцами двух коммунистов, с которыми они, как вообще и со всеми пленёнными расправляются самым жестоким образом. Сегодня на совещании партийного актива дивизии, где пришлось мне присутствовать, в связи с этим случаем врага отмечали притупление военной бдительности в наших частях и вместе с тем обсуждали вопрос партийно-политической работы в подразделениях дивизии, с тем чтобы претворить в жизнь выдвинутые задачи тов. Сталиным, которые он отразил в своём докладе и приказе в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции.

Выступая в прениях, я отразил отсутствие партийно-массовой работы с коммунистами нашей роты, отсутствие повседневного их воспитания в духе марксизма-ленинизма и наряду с этим отметил бездеятельность секретаря нашей парторганизации Путикина, который недостаточно занимается вопросом роста парторганизации.

За период нескольких дней нашей стоянки на одном месте, я имел возможность глубоко заглянуть в быт местных жителей пострадавших от немцев. Они лишились жилищ, лишились одежды и хлеба и только немногим из них удалось „сховать" „трохи жита". Вчера я возвращаясь с переднего края в расположение своей роты, находящейся на некотором удалении от передовой линии. На пути своём догнал мальчугана, которому было лет 11. Нёс на спине небольшую котомку заполненную зерном ржи, он согнувшись от тяжести шагал по дороге, засунув озябшие руки в рукава худого пиджачка. На ногах его были рваные лапти, рваные брюки и шапка и весь то он представлял собой жалкий вид.

— Откуда шагаешь сынок? — спросил я мальчишка.

— С Заполья.

— А куда ты идёшь?

— К матке.

— А где твой отец?

— Недавно взяли в Красную Армию.

— А где он был раньше?

— Раньше он был тоже в Красной Армии. Потом попал в плен, утёк оттуда. Пришёл домой и жил с нами. А теперь опять в Красную Армию взяли.

Я понял каков был отец мальчугана. Он относится к числу тех „защитников Родины" которые во время наступления Германской Армии и оккупировавшей его Украины, Белоруссии, Смоленской и Калиринской областей, добровольно сдаваясь в плен, покидая ряды Красной Армии и возвращаясь к своим семьям, находящимся в районах занятых немцами.

В результате такого в то время положения, почти только одни сибиряки отстаивали гор. Москву к преддверью которой в 1941 году, как черная туча подходили враги нашей Родины. Эти тяжелые дни для отчизны останутся в памяти до конца жизни каждого советского человека.

Сейчас, когда наша Красная Армия находится на пути победоносного шествия, когда мы с успехом освобождаем временно оккупированные немцами советские районы, изгоняя прочь фашистских захватчиков, сейчас мы встречаемся вновь с теми людьми, которые в тяжелые дни нашей родины уходили к врагу, ослабляя тем самым мощь Красной Армии. Они все как попугаи твердят лишь одно: объясняя свое пребывание дома тем, что будучи в Красной Армии, попали в 1941 году в окружение, затем в плен, ну а потом удалось им вернуться домой. Старая песня и она нам известна. Но Советское правительство не наказывает их. Вновь их берут в ряды Красной Армии, для того чтоб они оправдали своё преступное безделие в течение двух лет и наряду со всеми приняли участие в окончательном разгроме врага.

Этих вновь пришедших бойцов, взятых из освобождённых нами районов, наша братва не без иронии называет „зятьками". Командование частей Красной Армии обратило внимание на эту иронию и предложило выбросить из лексикона выражение „зятьки", поскольку эти люди вновь одели форму бойца Красной Армии и взяли в руки оружие для борьбы с немецкими захватчиками.

С мальчуганом дошёл я до своего блиндажа и предложил зайти обогреться. В блиндаже топилась железная печь. С мальчика снял я котомку и посадил его к печке. Из разговоров с ним я и товарищи мои узнали, что идёт он в свою сожжённую деревню Заполье, где спрятана рожь, которую набрал он в котомку и несёт своей матери-приютившейся со своими детьми, а их было всего пять человек, в покинутом немецком блиндаже, на берегу большого Афанасьевского озера где помимо этой семьи поместились ещё две таких же семьи из той-же деревни. Таким образом в небольшом блиндаже находилось свыше двадцати человек, в числе которых было 17 человек детей в возрасте от одного года и до 15ти лет.

Мальчика звали Валентином. Его накормил я обедом, который кстати начался. Угостил чаем с сахаром и мальчик доволен был случаем вкусной солёной. Спустя продолжительное время гость наш стал собираться домой. Я дал ему сдобных „орешков" и хранившихся в небольшом количестве у меня от посылки дал хлеба, а другие бойцы дали ему сухарей. Мальчик довольный тем, что его накормили и дали хлеба с собой, с улыбкой сказал:

— Снесу это матке, а то есть нема нечего.

Провожая его, я взял на себя катомку мальчугана и дошёл с ним до их блиндажа, где увидел скопище-чумазых и оборванных детишек, их матерей с выражением в глазах переживаемого горя.

Я видел с какой жадностью набросились на принесённый мальчиком хлеб, его младшие два братишка и сестрёнка. Я видел с какой завистью смотрели на этих счастливцев" другие детишки. Я видел горем убитых людей. Это горе не смеряешь метром не взвесишь пудами — оно безгранично как воды морей, океанов. Беседуя с женщинами, я видел их слёзы и чувство глубокого сострадания возникало в душе у меня. Мать нашего мальчика лежала больная. Она попросила меня нельзя-ли привезти на коне спрятанной ими вблизи от деревни хлеб. Я пообещал. Взяли обратно с собой Валентина который знал где спрятан был хлеб и с наступлением ночи поехал с ним на лошади взятой мной. Вот приехали в сожжённую деревню Завратье, расположенную в нескольких десятках метров от переднего края обороны. Время от времени пущенные немцами ракеты освещают местность. В этот момент мы не движемся. Свищут пули и порой летят одиночные снаряды, но рвутся где-то далеко от нас в стороне. Едем дальше и слышим весьма частый [illegible]. В километре от деревни в густой чаще тёмного леса нашли мы спрятанный хлеб, который был насыпан в четыре мешка. Я сложил мешки на повозку и поехал с мальчиком обратно. Я был удивлён его способностью ориентироваться так как в тёмную ночь не легко найти, что либо спрятанное в зарослях леса.

В полночь доставил я хлеб больной матери Валентина, радости которой не было границ и которая не знала как благодарить меня.

С Валентином мы подружились. Он стал прибегать к нам в блиндаже, где каждый раз мы угощали его нашим солдатским супом.

А сегодня он с младшим братишкой пришёл к нам, которого звал по обыкновению Пёнькой и заявил:

— Увязался за мной.

Плохо одетый Пенька дрожал как щенок. Я посадил его к печке, принёс с кухни котелок супу и накормил из своих.

Отражая этот случай в своём дневнике, я отнюдь не хочу показать себя каким-то особенным гуманистом. Нет. Во мне имеются также все элементарные чувства человечности, которые присущи каждому из нас.

В годы гражданской жизни, будучи иногда в командировках, я не редко [redacted] встречался с детишками, робко заглядывающими в двери закрытого зала столовой или ресторана. Зазывал кого-либо из них к себе. Садил за стол напротив себя и спрашивал, хочет ли есть он. В этих случаях я получал всегда положительный ответ, после чего заказывал обед и кормил мальчика. А он с жадностью поглядывая на меня, уплетал как волчёнок. Делая так, я испытывал в себе полное удовлетворение.

Дни идут. И в эти дни небольшой передышки можно слышать у нас различные анекдоты, рассказы и порой даже песни. Вот украинец Рогозный напевает вальс „Разбитое сердце". Он поёт:

Я бачив як витер берёзку зломив,
коренья порушив, гилля поломив.
А лыстья не в"яне и свиже було
Аж поке за хмару, те солнце зашло.

Я бачил як сорону [illegible] стрелму
Упала бідная пташина її конец.
Боротьбась зі смертью дурной не в мочь
Одначе боролась, аж поке зашла уже ніч.

* * *

А Лёня „сынок" наш, всеми любимый молодой парёнёк, имеющий большое сходство с моим сыном, тоже довольно часто напевает и под час старые русские песни.

С музыкальной интонацией в голосе он протяжно поёт:

Шумел камыш, деревья гнулися,
Ночька тёмная была.
Одна возлюбленная пара,
Всю ночь гуляла до утра.
А поутру проснувшись рано,
Кругом помятая трава.
Но не одна трава помята,
Помята девичья краса.
„Приду домой, а дома спросят:
„Куда ходила, где была?"
А я скажу в саду гуляла
Цветочки милому рвала".
Всем дома ругать будут,
Ты приди опять сюда.
Пришла домой, а мать встречает
И горько плачет у крыльца.
„Дочь иди но только тише,
Смотри отца не разбуди"
Отец не спал и всё он слышит
И грубым голосом сказал:
„Иди туда, где ночь гуляла,
Ты нам больше не нужна".
Пошла туда, его там нету
И не будет никогда.

Невольно прислушиваясь я к этим напевам и представлял себе картину трагической любви несчастной девушки. Да, любовь в жизни человека принимает порой форму большего несчастья. А жизнь человека, здесь, на войне, внезапно прекращается, во имя процветания жизни будущих поколений, во имя их будущей любви, любви украшающей человеческую жизнь.

14 Ноября 1943 г.

Утро этого дня было оглашено грохотом наших орудий, „Катюш" и минометов. В 8 ч. 20 м. впервые послышались отрадные звуки „Катюши" и вдруг после этого всюду раздался оглушительный гул канонады. Заговорили сотни орудий и этот внушительный говор на языке железа и стали длился свыше пяти часов. В этот момент каждый из нас ощущал в себе чувство заслуженной гордости нашим оружием, с которым здесь на полях небывалой войны, мы отстаиваем честь и свободу нашей Родины. После небольшого затишья в полдень, вновь с прежней силой загрохотали орудия. Наша пехота пошв наступление. Пошла вперёд на врага, во славу нашей любимой отчизны. Немцы вначале притихли, но затем начали огрызаться. Послышались их шестиствольные миномёты - „скрипуны" и стрельба из самоходных орудий „Фердинанд". Позиции их были сильно насыщены огневыми средствами, о чём заявили перешедшие накануне „власовцы" в количестве 82 человек. Они также сказали, что в ближайшее время следует ожидать ещё перехода к нам в количестве 400 чел; из армии РОА предателя генерала Власова.

Немцы упорно защищают свои рубежи на подступах гор. Орши, представляющего собой важный железнодорожный узел и мощнейшими укреплениями.

Действовавшая с левого фланга соседняя с нами 85 гвардейская дивизия, достигла прорыва на своём участке немецких траншей, откуда выбиты были фашисты и прогнаны до 2-х километров вглубь их нового расположения. В полдень наш 256-й полк, также достиг расположения немцев, которые ожесточённо отбивались от нашей пехоты, но были отогнаны на некоторое расстояние от прежнего расположения. При этом удалось захватить в плен 70 немецких солдат. В это же время шедший в атаку 258 полк попал под сильный артиллерийский огонь противника, в результате чего понёс некоторые потери убитыми и ранеными. На участке действий этого полка несколько слабее была наша артподготовка, поэтому бойцы 258 полка имели претензии к артиллеристам.

Всеобщее наступление, развёрнутое по всему нашему Западному фронту, представляет собой ожесточённую битву за Оршу. Перед нами были гренадерские части противника. В ночь на 15-е ноября немцы произвели приготовления для контратак. Они разминировали во многих местах ранее заминированные ими дороги, и подступы для прохода своей пехоты. Но все эти попытки предпринятых контратак не имели успеха. Они были отбиты. Отборные части немецких гренадер получили чувствительные удары от наших бойцов. Кстати сказать, в одном из этих гренадерских полков, как нам стало известно, находится подполковник Рюдерер. Это он истязал и повесил славную дочь советского народа Комсомолку Зою Космодемьянскую. Лютая ненависть к палачам жжёт сердце наших гвардейцев. Они мстят врагу. Расплата уже началась. Она будет полной. Ни один из тех, на чьих преступных руках горит алая кровь наших [illegible], не уйдёт от неё безнаказанно.

Всю ночь и днём 15-го ноября грохотала наша артиллерия. Обстановка на поле боевых действий, к этому времени создалась не особенно благоприятной. Наш комдив - полковник Колобутин, стоял задумчиво в траншее своего блиндажа и смотрел в бинокль на театр военных действий. И кто его знает какие соображения бродят в данный момент в голове этого человека, от размышлений которого зависит успех наших действий и сохранение жизни многих из нас.

Выпавший недавно снег растаял, в то время как в прошлом году будучи на Калининском фронте в этот день выпал на зиму снег. Таким образом зиму тогда пришлось встретить нам 15-го ноября, а здесь в Белоруссии в этом году стоит сырая, ненастная погода, которая портит всё дело войны.

В связи с приближением зимы, недавно пришлось нам читать брошенные с самолёта немецкие листовки. В них они пишут о предстоящей зиме, ужасами которой стараются нас запугать. Смешно!!! Русский народ страшают зимой!

„Вы вступили в области, которые повсеместно разорены войной. - пишут немцы. В этой пустыне вам придётся зимовать. Разве не доходит до вашего сознания, что вы попали в ловушку? (!!)

Уже в третий раз вам внушают, что немцев ожидает такая-же участь, которая постигла Наполеона в 1812 году. Но ведь между временами Наполеона и нашими временами громадная разница. У Наполеона не было железных дорог, поэтому он лишился снабжения. Наши пути сообщения, над которыми мы работали 2 года, в образцовом порядке."

И в конце задают нам вопрос:

„Как вы думаете, кому повредит суровая зима, нам или вам?"

А мы думаем так господа из фашистского лагеря, что нам ни что не повредит для достижения победы над вами - в этом твёрдо уверены воины Красной Армии и весь наш советский народ. В победе над немецкими оккупантами мы не сомневались и в те тяжёлые дни, когда существованию нашей страны была непосредственная угроза в конце 1941 года. А теперь, когда Красная Армия всюду бьёт в хвост и гриву немецких захватчиков, эта уверенность ещё больше у всех возросла. Она возросла даже у тех - зарубежных наших „друзей", которые в своё время вообще не верили в нашу победу.

24-е Ноября 1943 года.

Начатые 14-го ноября бои в результате нашего наступления продолжались в течение пяти дней.

Бои проходили в районе сильных немецких укреплений. Восемь линий траншей, расположенных друг от друга на расстоянии 300-400 метров, обнесённые проволочным заграждением и имеющие минные поля, представляли собой весьма серьёзные укрепления, преодолеть которые стоило больших трудностей и жертв.

Четыре линии этих траншей уже заняты были нашей пехотой. Немцы неоднократно переходили в контратаки, которые в большинстве случаев нами отбивались, но на некоторых участках расположения нашей дивизии, наши части вынуждены были отойти назад. Таким образом дер. Новое Село и торфоразработки „Осинстрой" неоднократно переходили из рук в руки. Это было 17 ноября, а 19го числа этого же месяца немцы вновь заняли ранее покинутый нами „Осинстрой", после чего 21го ноября предприняли наиболее активную контратаку в результате которой 258 полк отошёл на 800 метров и оставил при этом три орудия, несколько пулемётов и раненых, которые попали в руки врагу. Эти успехи врага объясняются тем, что проводимая нами артподготовка не имела успеха. День и ночь гремела канонада наших орудий, но стрельба их не достигала цели. Снаряды ложились в торфяное болото, которое всё было изрыто воронками, но техника немцев и живая их сила очень мало страдала от нашей артподготовки. К тому же численный состав наших полков за период этих боёв настолько уменьшился, что за последние два дня операций, то есть 19го и 20го ноября в 254 полку было 18 человек - активных штыков, в 256м полку 15 человек и в 258м было 22 человека. Причём необходимо заметить, что в этом полку к этому времени численность составляла всего 570 человек, в составе которых были средние командиры, их ординарцы, мед-

[illegible] и [illegible] Словом воевать было не кому. Вообще многого из отряд и поставленную перед нами задачу мы не выполнили. 6-20-го Ноября начался период затишья. Наши бойцы заняли оборону в передних немецких траншеях. В них много было воды. Некоторые славяне умудрились наложить один за одним трупы немецких солдат, на дно этих траншей и создали таким образом — вроде настила, находясь на котором сохраняли себя от воды. Это зрелище вызывало у меня чувство глубокого омерзения. Всюду на склонах холмов и лощин, на равнинах покрытых засохшей травой, валялись в большом количестве трупы немецких солдат и офицеров, трупы наших бойцов, которые потому ночами закапывали наши сапёры.

Из показаний пленных, захваченных нами в процессе боёв, нам стало известно, что немцы готовили наступление на 16-е Ноября. Мы опередили их в этом случае на двое суток и тем самым прогадали успешный результат операции. После этого, немцы методически стали кидать из орудий и „скрипунов" — миномётов, мы отвечали им тем же, но с меньшей интенсивностью.

— У немцев много снарядов, — сказал лейтенант Шолыгон, рассуждая о плачевных результатах нашего наступления. — Ещё бы, — ответил его собеседник майор, фамилия которого мне неизвестна.

— Вся Европа на немцев работает, — продолжал он. — Снаряды готовят с избытком. И немного помолчав добавил:

— Воевать с немцами нужно [redacted] не числом а умением. Отрезать где нибудь в направлении Минска и сделать ещё Сталинград. Вот был бы порядок.

Наступившее затишье, после недавних боёв пока [illegible]. Выпавший недавно снег, — растаял. Мы находимся в плохом положении в части фуража. Нет сена для коней. Бойцы косят высохшую траву на корню. В то время, как земля покрывается снегом, голодные кони пасутся и копытами из под снега выбивают траву и едят.

Неважно обстоит также дело с овощами. В этом случае командир нашей роты капитан Букитьенов выходил из положения, пользуясь „услугами" преступно-предприимчивого старшины Карпия который стал практиковать хищения картофеля у населения, находящегося в ближайшем тылу.

Делалось так. С утра на двух или трёх лошадях старшина Карпий выезжал с двумя-тремя бойцами в какую-либо ближайшую деревню. Высматривал яму с картофелем, а с наступлением ночи делал налёт, выгружал и увозил её. Между прочим так делал не один наш старшина. Хищения творили и другие не менее „предприимчивые" хозяйственники прочих подразделений. Таким же образом иногда „доставали" и сено. Всё это взятое вместе естественно вызывало неприязнь со стороны населения к воинским частям, так как они знали чьих рук это дело, то есть пропажа картофеля, сена и прочего.

Трудно представить себе, что допускается в армии в то время когда я пишу эти строки. Для жителей глубокого тыла, это показалось бы слишком невероятным и диким, но это к сожалению факт, а факты говорят упрямая вещь.

27 Ноября 1943 г.

Албай фронту

Жизнь фронтовика весьма не равномерна. Она бывает порой спокойна и тиха, как весенняя майская ночь. И вдруг забурлит, загрохочет, как грозная стихия в небесном пространстве, раскаты которой можно услышать далеко, далеко. И вновь наступает потом зловещая тишина и тут же опять нарушается новым раскатом небесной стихии. Так и на фронте. В данное время настало затишье. В эти дни кстати приезжали к нам делегаты из Алтайского края. В числе их был секретарь Барнаульского горкома партии тов. Кутинов, знатный машинист депо Барнаул, депутат Верховного Совета РСФСР тов. Кузнецов, представители барнаульских предприятий т.т. Майоров, Васильева и Рощина, знатный комбайнер Алтая, орденоносец тов. Дозшик и другие. Они привезли с собой хорошие подарки и имели встречи с бойцами и командирами нашей дивизии. Я беседовал с тов. Кутиновым и Рощиной о жизни родного города. Они мне сказали, что Барнаул растёт в области развития промышленности. Что рабочие и работницы воодушевлённые успехами Красной Армии на многих фронтах, с энтузиазмом выполняют и перевыполняют на 200, 300, 400 и даже 1000 процентов производственную программу, оказывая тем самым огромную помощь фронту. Эта беседа с земляками произвела на меня отрадное впечатление.

В ассортименте привезённых подарков, были: 6 килограмм на каждого бойца скотского мяса, из них 3 кил. копчёное. По килограмму белых сухарей, по 500 гр. пряников, по 500 гр. масла сливочного, по поллитру водки, табак, спички и прочее. Мы были очень благодарны тем, кто не забывает нас. Не забывает тех, кто проводит холодные ночи и дни в сырых и глубоких траншеях, отстаивая в них честь и свободу любимой родины. С тов. Рощиной послал я письмо к жене. Она обещала сходить к ней и поговорить о нашей встрече. Получив подарки, мы учинили настоящее празднество. В связи с этим многие из нас были пьяные. Благо наше подразделение частично находилось к этому времени в отдалённости от переднего края.

Находясь в тёплой землянке, неплохо прошло у нас время. Прослушались песни. Среди нас были такие, семьи которых пострадали от произвола немецких захватчиков. Вот один из бойцов, переживая чувство тяжёлой утраты, запел любимую им песню „Моряк".

О чём ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет,
И ленты повисли, как траурный флаг,
Скажи нам, что всё это значит?

Не ты ли, моряк, в рукопашном бою
С врагами сражался геройски, —
Так что же встревожило душу твою,
Скажи нам, товарищ, по-свойски!

Друзья, своё горе я вам расскажу,
От вас я скрываться не стану, —
Незримую рану я в сердце ношу,
Кровавую, жгучую рану.

Есть муки, которые смерти страшней,
Они мне на долю достались
Над гордой и светлой любовью моей
Немецкие псы надругались!

Её увели на позор и на стыд,
Скрутили ей нежные руки....
Отец её ранен, братишка убит, —
Так мне написали подруги.

Я их потерял, и во мраке ночей
Лишь только глаза закрываю, —
Любовь мою вижу в руках палачей
И в кровь свои губы кусаю.

И нет мне покою ни ночью, ни днём,
От ярости я задыхаюсь!
И только в атаке, в бою, под огнём
Я местью своей упиваюсь.

С хозяином вместе тоскует гармонь,
Рыдает и стонет трёхрядка.....
Скорей бы услышать команду: – огонь!
И бросится я в смертную схватку.

Песня закончилась. Её исполнитель глубоко вздохнул, налил ещё водки и залпом выпил её. Мы все были под впечатлением исполненной песни. Празднество продолжалось до полночи. Я вышел на улицу и услышал пьяный разговор, проходящего мимо солдата. Он разсуждал сам с собой, жестикулируя руками:

— Вот это Сибирячки, вот делегаты, я понимаю.... Какие подарки они привезли.....

На завтра, мне передано было письмо, на конверте которого было написано:

„56-я гв. стр. Смоленская дивизия
лучшему бойцу."

На странице письма было прежде всего написано: „Привет с далекого Алтая!" Письмо было послано девушкой Татьяной Макаровой, работающей учительницей в Каменском районе, посёлок Озёрки.

В письме она сообщала о том, что вместе с односельчанами она организовала подарки для бойцов Красной Армии, что они успешно закончили хлебосдачу государству и в настоящее время готовят инвентарь к посевной компании.

Я в свою очередь ей написал:

„Здравствуйте уважаемая тов. Макарова!
Вчера передали мне Ваше письмо, которое я прочитал с большим интересом. Только в нашей Советской стране существует неразрывная связь между нашим народом и Красной Ар-

лист, которая является его любимым детищем, рождённым в годы гражданской войны. Товарищ Макарова, разрешите отбросить в сторону всякие фамильярности и называть Вас по просту Таня.

Посланный Вами „Привет с далекаго Алтая" является отрадным возгласом для меня Алтайца-Сибиряка. Далёкий Алтай! Но как близок и дорог он сердцу, на обширных просторах котораго я взрос, воспитался и стал полноправным членом многомиллионной советской семьи.

В годы отечественной войны, мне выпала великая честь защищать свою Родину, защищать независимость, честь и свободу любимой отчизны. В прошлом году в Барнауле, уроженцем которого я являюсь, стала формироваться добровольческая бригада. В это время я подал заявление о зачислении меня добровольцем в бригаду. Мою просьбу удовлетворили, после чего будучи в составе бригады я принял участие в боевых операциях на Калининском фронте. В боях с фашистскими захватчиками, завоевали мы почётное звание гвардейцев. В боях за любимую Родину в сентябре этого года завоевали мы звание Смоленцев.

Могу без бахвальства сказать, что находясь в рядах гвардейцев Смоленской дивизии, я с честью выполнил свой долг перед Родиной, за что награждён был медалью „За боевые заслуги"

Бывшая добровольческая наша бригада в которой я находился, истребила свыше десяти с половиной тысяч фашистских бандитов. За два с лишним месяца в этом году, в наступательных боях прошли мы

200 километров и очистили от гитлеровских головорезов г. г. Ельню, Смоленск и тысячи сёл и деревень. Сейчас продолжаем вести бои, в результате которых бьём фашистскую гадину.

Вы пишите, что работаете учительницей и организовали подарки бойцам Красной Армии. Это очень хорошо и спасибо за Ваше внимание. Кстати сказать, мать моя тоже работала раньше учительницей в течение 15ти лет. Находясь на учительском поприще, Вы выполняете почётную задачу в деле воспитания подрастающего поколения нашей страны. Воспитывайте ваших ребят в духе безграничной любви к нашей Родине, советскому народу и великому вождю тов. Сталину. Прививайте им жгучую ненависть к нашим врагам. Каждый из Ваших ребят, должен быть достойным гражданином нашей обширной страны.

До прибытия в армию я был на политработе, а теперь я „работаю" своим автоматом – неразлучным спутником моей боевой жизни. В письме Вы просите фото, но я не имею его. Отгремит канонада войны, кончится бойня и если фашистская пуля минует меня, вновь я приеду домой и может быть встречу когда нибудь Вас.

Желаю Вам наилучших успехов в работе и жизни. Передайте мой фронтовой привет Вашим ребятам. Скажите им, что бы лучше учились, а мы здесь отстоим их будущую счастливую жизнь.

Привет Вашим подругам, родным и знакомым. Досвиданья!

С приветом Трухин."

Отправил письмо. Это вызвало шутки со стороны моих товарищей, которым я зачитал содержанье письма.

4-е Декабря 1943 г.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА.

После десятидневного затишья 30-го Ноября рано утром вновь загремела канонада Нашей артиллерии, которая заставила замолчать На этот раз многие огневые точки противника. Пехота прибывшая к нам в качестве пополнения из штрафных батальонов, имела задачу овладеть „Осиностроем“ — этим заколдованным пунктом сопротивления немцев, после чего им обещано было полное прощение их грехов. После проведённой артподготовки, бойцы поднялись и пошли в наступление. Но всё это не имело успеха, так как они были встречены шквалом миномётно-артиллерийского и ружейно-пулемётного огня. Бойцы залегли и только спустя продолжительное время и ценой больших потерь, овладели передними траншеями немцев. Бой продолжался в течение двух суток, по истечении которых наше командование прекратило бесполезное наступление, так как Наш и до этого немногочисленный состав, поредел совершенно и воевать по существу было не с кем. Оставшиеся бойцы находясь в грязи и воде имели какой то безразличный и безжизненный взгляд. Этот взгляд выражал апатию и полный упадок духа и бодрости. Выражал безнадёжность своего положения и не случайно поэтому говорили отдельные бойцы:

— Хотя бы скорее убило, чем мучиться так.

К тому же положение на прочих фронтах было не весьма утешительное, если не считать взятых нескольких Населённых пунктов северо-западнее Гомеля в районе реки Припять и юго-западнее Кременчуга. На днях войска наши вынуждены были оставить недавно взятый Житомир, а 30-го Ноябр. гор. Коростень. В излучине Днепра наши войска отбивали контратаки противника, пытавшегося оказать сильное противодействие.

Поэтому вполне понятно, что всё это вместе взятое оказывало на малодушных известное воздействие. Однако далеко не все ощущали в себе чувство уныния, считая небольшие успехи противника случайными и кратковременным явлением.

Что касается предпринятых нами наступательных действий, я считал по своему это несовсем разумными, так как в данное время к таким операциям мы не были готовы, не имея в своём составе достаточного пополнения и кроме того метереологические условия были не в нашу пользу. Стояла дурная погода, всюду была непролазная грязь, поэтому при таких абстоятельствах нельзя было ожидать положительных результатов от [redacted] наступательных действий.

Говоря о малочисленном составе наших частей, один капитан с сарказмом сказал вчера в беседе с товарищем:

— Скоро дойдём до такого состояния, что на каждом километре фронта, как у нас так и у противника, будет не больше одного человека. Вот тогда будет интересная война.

Комдив - полковник Колобутин, по поводу успешных действий нашей дивизии заявил командованию корпуса:

— Дайте мне четыре тысячи активных штыков и месячный отдых дивизии и я заверяю что Оршу возьму.

Это заявление имеет здравый смысл и веские основания. Потрёпанные части нашей дивизии вновь перешли к оборона, не выполнив задачу по взятию „Осинстроя" — бывшей немецкой каторги, где недавно ещё фашистские палачи и изнуряли непосильным трудом военнопленных красноармейцев, где от голода доходили они до людоедства. Эту жуткую правду я слышал от многих здешних жителей. Они говорили, что немцы сотнями расстреливали голодных и неспособных к труду военнопленных. Пригнанные сюда женщины, девушки, дети, изнурённые работой, голодные и доведённые до полного отчаяния решались на самоубийства. Они отравляли себя и детей корнями травы, которая носит местное названье Веха.

Чудовищные издевательства и кровавые расправы гитлеровских разбойников, советский народ ни когда не простит. Они поплатятся за свои преступления. Суровая кара ждёт фашистских бандитов от рук свободолюбивых народов, которых хотели сделать они своими рабами.

6-е Декабря 1943 год.

РАЗЛИЧНЫЙ ОБЛИК КОМАНДИРОВ.

/. Разнохарактерные черты командиров./

[Командир в Красной Армии — это образец дисциплины, порядка и вежливости.

Командир — это символ беззаветной преданности нашей Родине, партии и советскому народу. Он является примером самоотверженности за дело нашей отчизны, за дело освобождения советских районов, оккупированных немецкими захватчиками.

Командир — это воплощение справедливости и честного отношения к тому, что возложено на него и к тем, кто находится в его подчинении.]

Но к сожалению приходится видеть у некоторых командиров совершенно обратные качества.

Трусость, невежество, подлость, карьеризм, ратные качества. ршенно

Трусость, невежество, подлость, карьеризм, подхалимство, зазнайство, безпредельная самовлюблённость, злоупотребления своими правами и прочие отрицательные явления, представляют собой основные элементы в характеристике таких командиров. Пользуясь неограниченным правом эти самовлюблённые и много мнящие о себе дураки ставят себя на такой пьедестал, что якобы нет их разумней, что они дальновидные и всё что ни делают, всё это правильно, допустимо и возможно для них. Под час они оскорбляют бойцов самым гадким образом, бьют их. Я знаю десятки таких случаев. Обкрадывают государство в продуктах питания. И всё это сходит им, несмотря на то, что бывают сигналы о всех безобразиях этих миниатюрных диктаторов. Они внушают бойцам, чтобы последние любили их, уважали и выручали в трудный момент.

Боец-это полноправный гражданин советской страны, но только в одежде солдата, понял истему своего положения. Он молчит и безразлично реагирует на то, что внушают ему в части любви к таким командирам. И если взглянуть в глубину солдатской души, то там без труда можно видеть неприязнь и чувство ненависти к тем, кто уязвляет и топчет его человеческое достоинство. Можно видеть там также любовь и безграничную преданность к тем, кто ценит бойцов, прост в обращении с ними, внимателен и чуток к их нуждам. За таких командиров солдат не пожалеет своей головы, он пойдёт с ними куда угодно, пойдёт в огонь и воду, хоть к чёрту на рога.

Для иллюстрации я приведу здесь несколько типов из числа комсостава, которые с достоинством носят офицерское звание и которые только порочат его.

Вот лейтенант Колков. Это образец подхалимства и подлости. Он дошёл до степени такого нахальства, что без зазрения совести получает 2 сухих пайка и одновременно пользуется с кухни. Таким образом он ежедневно берёт три нормы продуктов, вызывая тем самым заслуженные и вполне правильные суждения в отношении себя, со стороны бойцов, которые обычно в своём кругу говорят!

— Вот гад, такого ещё я не видел.

— Это паразит каких мало найдёшь.

И так далее. На ряду с этим, Колков зачастую отнимает водку у подчинённых ему бойцов, что естественно вызывает недовольство и глухой ропот со стороны последних. Так например, в течение продолжительного времени, Колков присваивает положенную норму водки бойцам Шведчикову, Епифанову и Сыскову. Все эти пакости совершает коммунист, получая за это от бойцов заочные эпитеты нелестные для него, которые он вполне заслуживает.

Кроме того, лейтенант Колков допускает изощрённые оскорбления в отношении своих подчинённых. Порой дразнит их как мальчишка, проявляя тем самым великодержавный шовинизм.

Где же тут офицерская этика? Где справедливость командирская, когда такой офицер Красной Армии, как Колков, ради собственного ненасытного рта, готов пойти на любую подлость. Он ворует то, за которое наши жёны и дети там где-то в тылу работают не покладая рук по 10-12 часов в день. Всё это взятое вместе изображает Колкова в представлении рядового состава как отъявленного негодяя, действия которого порочат офицерское звание. Тоже можно сказать про Щербина.

А сколько таких командиров у нас, которые паразитически несут свою службу в рядах Красной Армии?

Я теперь думаю так, что очень неправильно обстоит дело с переживанием трудностей войны. Наши бойцы и некоторые командиры прозябают в глубоких окопах. Проводят дни и ночи под дождём и на холоде. Подчас голодают и ценой собственной жизни защищают страну. В то же время другие военные живут прежде всего вне всякой опасности для собственной жизни, живут в полном довольстве. Пьют и едят что всем угодно. Получают огромные суммы зарплаты. Имеют не мало женщин, которых бойцы называют обычно ППЖ, что означает полевая походная жена. Они, - эти полноправные офицеры нередко глумятся над бедным солдатом, и всё это проходит для них безнаказанно. Вот майор Яровой из за собственного тщеславия, невинного расстрелял прошлым летом бойца, о чём я писал в своё время в своём дневнике. Его правда привлекли к ответственности, дали 10 лет, но оставили в своей части. Будучи здесь каких нибудь три месяца с него снимают как с фронтовика заслуженное наказание в результате чего, он ответственности за убийство человека /иначе факт нельзя назвать/ не понёс ни какой. Стало быть можно расстреливать невинных бойцов, ибо это проходит безнаказанно.

Для таких, живущих в довольстве защитников Родины" - война это счастье". Они ни чего не имеют если продлится война ещё столько же. И как досадно становится, что эти многомнящие о себе вояки, сидят на шее трудящихся нашей страны.

Такую же примерно картину, можно наблюдать и в гражданской жизни. Там рабочий отдаёт все свои силы на дело войны, на дело освобождения нашей страны от фашистских захватчиков. Он работает по 12 и больше часов. Плохо питается и переживает все трудности военного време ни. В тоже время различные руководители и тузы предприятий живут так, что совершенно не ощущают каких либо тягостей в годы войны. И если продлилась бы эта война ещё 10 лет, для них безразлично. Но в среде командиров и гражданских лиц, есть люди достойные уважения, внимания и почестей. К числу их относятся: Начальник политотдела нашей дивизии гвардии подполковник Карсаков, капитан Ярош, известный богатырь и шутник. Будучи высокого роста, он бросал иногда шутливые реплики по своему адресу:

— Моими ногами товарищи только границу топтать,- говорил он.

— Ох вы ноги, мои ноги,- воскликнул Ярош, вызывая всеобщую улыбку, со стороны окружающих бойцов. Майор Погодин, старший лейтенант Годовиков и многие другие, представляли собой цвет и гордость нашей армии.

Эти люди в офицерской форме, обладают чистой, ни чем не запятнанной душой человека. Они чутки и внимательны к бойцам. Они никогда не позволят себе оскорбить чем либо солдата. Они любят их и пользуются в свою очередь взаимным уважением и любовью солдат. С такими командирами, каждый из них, готов пойти куда угодно, готов в любую минуту пожертвовать собой ради жизни таких командиров. Они, не в пример другим не имеют по две или по три содержанки, ППЖ-как называют их здесь и которые за счёт собственного тела и проведённых ночей с офицерами, нередко получают правительственные награждения, как например Рубицкая, Зерова, Фомина, Тупикина и др.

Кстати сказать некоторые из них ставят перед собой такую задачу с целью избавится от фронтовой жизни. Они стремятся забеременеть, так как беременных женщин увольняют из армии. Мне однажды пришлось даже слышать случайно такой разговор:

— Уж кому, кому не отдавалась и всё никак не могу забеременеть — с огорчением говорила одна санитарка своей собеседнице.

Поэтому не случайно, что большинство женщин на фронте, пользуются абсолютной неприязнью со стороны бойцов.

Касаясь вторично вопроса о женщинах, я хочу собственно говоря отразить три типа командиров, которых я знал. Их отношения к женщинам определялись весьма различно. Вот например командир оперативной группы минометных частей, генерал-лейтенант Жиловский не любил присутствие женщин, вверенных ему частях. Во избежание всякого рода любовных историй, он не допускал к себе на службу женский персонал. Это человек был необыкновенной простоты. Ему 56 лет. Одет весьма просто, в шинели, в простых яловых сапогах, с потёртой фуражкой на голове, он часто подходил к своим бойцам и спрашивал:

— Ну как дела сынки?

— Ничего тов. генерал, — вытянувшись отвечали красноармейцы.

— Ничего, — это пустое место. Ну ладно. Скоро закончится эта макуха. Вернётесь обратно домой к своим жёнкам и будете жить лучше прежнего.

Генерал-лейтенант уходил, а „сынки" с любовью в глазах и улыбкой на лице провожами взглядом старого командира, который уже 36 лет пробыл в строю.

Знал также я капитана Семёнова, бывшего начальника связи 91 стрелковой бригады. Он избегал тоже женщин, но только тех, которые находились у него в подчинении, не гнушаясь однако женщинами других подразделений.

— Свяжись со своими, — говорил он, завтра же называть будут Павлом, /его звали Павел/ а поэтому потеряешь лишь свой авторитет.

Капитан Букинтьенов, командир роты связи дивизии, играл иногда с бойцами-женщинами словно мальчишка. Имел с ними интимную связь. Он уделял им большое внимание и нередко угощал их едой со своего стола, отнюдь не заботясь в тоже время о бойце-мужчине. Будь боец сыт или голоден, это его ни сколько не интересует. Этот, многомнящий о себе командир был труслив, глуповат и только по какой-то счастливой случайности дослужился до званья капитана.

Таковы разновидные черты в облике командного состава Красной Армии, которому партия и правительство доверили миллионы людей отстаивающих с оружием в руках честь и свободу нашей страны, — страны поруганной фашистскими вандалами и вопиющей к мести за пролитую гитлеровскими разбойниками невинную кровь и слёзы наших [redacted] женщин и детей.

С 9е Декабря 1943 год.

В ночь на 8е Декабря наша 56 дивизия отошла с переднего края будучи заменена 180 дивизией, недавно прибывшей на фронт.

Этот отход с занятого рубежа обороны, был вызван необходимостью формирования потрёпанных наших полков и предоставлением отдыха личному составу частей, так как в течение четырёх месяцев, если не считать небольших промежутков, мы находились в состоянии непрерывных боёв, что сильно измотало оставшихся в целости бойцов и командиров. Характерно отметить, что в эту же ночь через радио-рупор со стороны противника послышался голос, который сказал:

— Что Колобутин отходишь? Жаль. Неплохой ты был командир, не плохие и солдаты твои. Дрались хорошо.

Мы были польщены хорошим о нас отзывом врага и вместе с тем удивлены точной и быстрой осведомлённостью противника о проводимых мероприятиях нашего командования.

Командир дивизии полковник Колобутин тоже был в недоумении от такого заявления противника.

Вместе с нашей дивизией, так же отошли 22я и 65я дивизии, то есть весь 19ый корпус.

Наряду с этим отошла также 208 дивизия и другие части. Все расположились в густом пихтовом лесу, который находился в 8ми километрах от линии фронта. К этому времени белорусская зима была уже в полных правах. Она началась здесь по существу только с 4го Декабря, так как до этого времени не было устойчивой, хорошей погоды, какая обычно бывает зимой.

Будучи снова в лесу, невольно я вспомни

окружения в прошлом году, дата которого кстати сейчас совпадает. Эти воспоминания вызвали во мне неприятные чувства которые как червоточина глубоко и надолго залегли в моей душе.

Утром 8-го декабря немцы предприняли вылазку и потеснили недавно заменившую нас 180-ю дивизию, которая была вынуждена уступить немцам свои передние траншеи. На первых порах своего пребывания на фронте сменившая нас дивизия имела неудачу в соприкосновении с противником.

11 Декабря 1943 г.

ПОЙМАННЫЙ ШПИОН

Нам стало ясно, каким образом было известно противнику об нашем отходе с передовой линии фронта. В радиосвязи нашего корпуса находился младший лейтенант некто Михайлов. Он долгое время работал в пользу врага, окончив у немцев годичную школу шпионажа. Ловко пристроился этот мерзавец к нашему корпусу и в течение всей своей "службы" в рядах РККА, информировал противника, о всём, что предпринималось нашим командованием. В последний раз он радировал немцам о нашем отходе и на этом "засыпался". Кстати сказать, он уже награждён орденом Красной Звезды. Был уже представлен к награждению орденом отечественной войны второй степени, который ещё не успел получить и вместе с тем был представлен к аттестации на лейтенанта. Когда установлено было его участие в шпионаже, явился в радиовзвод начальник контрразведки корпуса и спросил:

— Кто здесь Михайлов.

— Я — мгновенно ответил шпион.

— Снимите ремень и погоны, — четко и строго сказал Начальник контрразведки. Затем он сказал чтобы Михайлов снял звездочку с головного убора, орден красной звезды. А когда всё было сделано, ему объявили, что он арестован.

Заметно было как побледнел и растерялся шпион.

— Давно вы занимаетесь этим чёрным делом? — спросил Нач. контрразведки. Ответом было гробовое молчание.

Его увели. Стало известно, что помимо шпиона Михайлова действует у нас ещё шесть человек, которые-ваше ранее были к нам подброшены немцами. На первых порах шпион не хочет выдать своих соучастников, заявляя:

— Убейте, но не скажу.

Надо полагать, что наша славная контрразведка развяжет язык этому гаду.

Нет ни чего удивительного в том, что своими неудачами в наших боевых операциях за последнее время, мы во многом обязаны этим паразитам, которые искусно сумели примазаться к нам и творили своё гнусное дело.

25 Декабря 1943г.

Деревня Сеничиты Велико-Лукский р-н Калининской области.

Вечером 12 Декабря все части нашей дивизии отправились в поход. Накануне этого выхода нам выдали из числа подарков по поллитру водки, по 300 гр. сливочного масла, по 2 кг. мёду, по несколько штук яиц, колбасу, по килограмму луку и прочую снедь, после чего мы устроили выпивку и славно провели своё время. В первую ночь нашего похода прошли мы свыше сорока километров и только лишь перед утром остановились на отдых в мелком кустарнике. Наломали веток, наслали на снег их и расположились спать. С наступлением дня поднялись, позавтракали и снова двинулись в путь, который продолжался в течение десяти дней. За это время прошли станцию Рудня, достигли гор. Демидова, который раньше назывался Порец и только в 1918 г. стал носить новое названье в память убитого в то время комиссара Демидова.

Восточнее этого города, в деревне Босновицы 15-го декабря сделана была двухсуточная остановка. Я и мой товарищ по службе некто Хатов, зашли в старую как хозяйка избушку, принадлежавшую Пемаковой Варваре Игнатьевне. Ей 65 лет. Два сына её находятся в красной армии, а младший сын погиб от голода будучи в Ленинграде во время его блокады немцами. Эта добродушная старушка мне кажется навсегда останется в моей памяти. На первых порах нашего прихода Варвара Игнатьевна засуетилась, замешала толокна, нарезала хлеба и пригласила за стол. Мы поблагодарили старушку, но отказались от её угощений. Достали консервы и колбасу, размочили свои сухари и пригласили любезную хозяйку покушать с собой. Вначале она отказалась, а затем приняла участие в нашей еде. С наступлением ночи Варвара Игнатьевна предложила нам свою кровать, на которую мы улеглись и крепко заснули после длинного и тяжелого перехода. Впервые за полтора года пребывания на фронте, я спал на постели и подушках. Сладкие воспоминания гражданской жизни, пробудились во мне и вызвали отрадное самочувствие. На утро мы дали хозяйке рисовую крупу, из которой она изготовила нам кашу.

— Ешьте родимые, ешьте, — говорила Варвара Игнатьевна, глядя пристально на нас. В глазах её светилась материнская любовь, которую она проявила к нам.

Вечером 17 декабря прошли разрушенный город Велиж. Его развалины представляли собой печальное зрелище.

20 декабря вновь ночевали в деревне под названием Посёлок, который был совершенно безлюдный если не считать двух-трёх семей проживающих в посёлке.

Вечером 21го декабря прибыли в дер. Воробьева Велико-Лукского р-на Калининской обл. Вблизи деревни стояло обширное озеро, носившее название Сиверстское. Побережье его было покрыто мелким кустарником и только лишь на противоположеном берегу виден был густо-поросший пихтач.

В озере в изобилии водятся лещи и судаки, а в летнее время болотная дичь. Вид этого озера, напомнил мне обширные луга родного Алтая, где в прошлые годы я много разездил на охоту на лодке.

22 декабря достигли места сосредоточения наших частей — дер. Сенчиты Велико-Лукского р-на Калининской области.

И так снова я в Калининской области, снова среди болот, откуда весной этого года уходили под Гжатск. В первые же дни нашего прибытия, представители командования нашей дивизии выехали в город Торопец, за получением нового пополнения. После прибытия в дер. Бенчиты, мы пребыли в ней несколько дней, одновременно копая блиндажи недалеко в лесу для дальнейшей нашей стоянки.

Находясь в крестьянских избушках, я мог наблюдать настоящую жизнь человека. Лай собак и пенье петухов, катанье на санках детишек, и дым из крестьянской трубы, весьма убедительно мне говорили о мирном характере жизни. Работа на колхозных дворах, суетливые домашние хлопоты женщин, а равномерная походка с коромыслом на плечах, представляли собой обычный процесс в ходе жизни крестьян.

И всё это взятое вместе тянуло к себе, манило и привлекало каждого из нас, кому надоела война, кому набила она оскомину на собственном теле солдата.

— Хороши русские Маши, — смачно говорил казах-боец Джсухан Найманов, глядя на колхозных женщин и девушек, пожирая их взглядом, в которых выражалась плотоядная прихоть.

Мне вспомнилось при этом одно выражение в стихотворении Некрасова, где он писал:

Есть женщины в русских селеньях,
С походкой и взглядом цариц.

Да, хороши наши Маши, хороши наши женщины, девушки. Хорош весь наш советский народ. Он доверчив, добродушен и прост. Он грозный и мстительный в отношении врагов, с которыми вот уже на протяжении двух с половиной лет, [redacted] ведёт ожесточённую борьбу.

Он с оружием в руках защищает свою свободу и государственную независимость. И когда прозвучит последний выстрел войны, тогда каждый, кто останется в живых, облегчённо вздохнёт полной грудью и твёрдой надеждой на жизнь, на жизнь свободную и счастливую, которую он отстаивал на полях отечественной войны.

Вчера нам известен стал случай, о котором мы также случайно узнали и с возмущением на него реагировали. Бывшая телефонистка нашей роты связи Людмила Тупикина, находится в качестве телефонистки у комдива полковника Колотушина. Фактически она является его содержанкой и постельной принадлежностью, то есть ППЖ, как говорят здесь на фронте.

И вот эта презренная шлюха вчера захотела конфет, которых к несчастью не оказалось в квартире полковника. Была уже полночь. Для того, чтобы удовлетворить желание „походной жены", полковник послал за „конфетами в полночь на ДОП своего ординарца и тем самым исполнил желание Тупикиной, которая обычно твердит как попугай где-то вычитанную ею фразу: „Любви способствует природа". Такие „защитницы" Родины будучи здесь, являются не больше ни меньше как паразитами в нашей военной машине.

27 Декабря 1943г.

Стоят нехолодные зимние дни. „Сибирская зима" - говорят некоторые бойцы, хорошо отзываясь о тёплой, зимней погоде. Продолжаем жить пока в деревне, но в ближайшие дни перейдём в блиндажи. Возле деревни раскинулось широкое озеро, имеющее тоже название как и деревня, то есть Сеницы. С одной стороны, берега этого озера были покрыты хвойным лесом, а с другой мелким кустарником.

Перед нами в развёрнутом виде был красивый пейзаж, который в летнее время надо полагать имел ещё большую прелесть.

Начались дни теоретической учёбы и муштровки солдат, что особенно не нравилось им. Многие при этом заявляли, что лучше на фронте быть, чем заниматься этой муштровкой. Я вполне разделяю это мнение.

Сегодня пришлось мне прочитать журнал „Крокодил" за декабрь месяц этого года, номер 42-43.

В нём было не мало юмора. Так например под заголовком „Весёлые игры в Германии" был помещён рисунок, изображающий хоровод, а ниже рисунка написано:

„Как наш фюрер на Востоке потерял каравай – вот такой ширины! /по фронту Вост./, вот такой глубины! /от Орла до Киева/." Тем самым отражался успех нашей армии за время летней кампании.

На следующей странице была помещена карикатура, представляющая собой больного. Вверху гласит надпись: „У изголовья больной Германии", а внизу написано: „Судя по состоянию больной, наше положение безнадёжно." Остроумный выразительный юмор! Но вместе с тем мне кажется это жалкий юмор.

Действительно Германия заболела от наших ударов, причём, это заболевание приняло теперь уже хроническую форму. Но мы – советские люди и советское государство получили тоже не мало чувствительных ударов.

от фашистско-германской военщины. Гитлеровские разбойники серьезно пощипали нашу страну. Немало пограбили наших богатств и нанесли нам глубокие раны. Я порой представляю себе наше государство в виде обнаженнаго человека, лишеннаго всякого имущества на теле этого человека было немало кровотечных ран. Всё это, дело рук гитлеровских разбойников. И потребуется не мало лет, для того чтобы залечить эти раны. Потребуется ещё много усилий и жертв, для того, чтобы избавиться окончательно от фашистских варваров.

Надо полагать, что в недалёком будущем, после некоторой передышки, вновь мы пойдём на врага на здешнем 2-м Прибалтийском фронте, в составе котораго в данное время находится наша дивизия.

1-е ЯНВАРЯ 1944 г.

/. 5 часов утра, вблизи Сеничиты/.

Наступил Новый 1944 год. К этому времени мы перешли в сделанные нами вблизь лежащем лесу блиндажи. Вырытые землянки, с накатом из хвойнаго леса, засыпанного слоем земли. Маленькие отверстия обтянутые листом газетной бумаги, пропитанной бензином, благодаря чему бумага пропускает тусклый свет и разрезанная пополам железная бочка из под горючего, приспособленная нами для печки, всё это взятое вместе представляло собой вполне благоустроенное и прекрасное жилище в условиях нашей жизни. Примитивные нары, с настланными на них мелкими ветками ёлок, с точки зренья солдат, были заманчивым ложем, на котором приходится нам отдыхать.

Таким образом невпервые мы обитаем в лесу как медведи, быстро приспособляясь к своеобразным условиям жизни. Неподалёку от нашей землянки лежит разбитый наш самолёт „Ил-2", а рядом с ним могила двух лётчиков. На могиле поставлен вместо памятника, грубо обтёсанный столбик, на котором коряво написано:

„Здесь похоронены два неизвестных сокола, погибшие при выполнении боевых заданий 10/XI-1943 г."

Неизвестные соколы! Неизвестная могила в далёком лесу. Их много, их больше того чем можно представить разбросано в лесах и болотах Смоленской и Калининской области. Всюду посеяны, всюду валяются русские кости, кости героев погибших за нашу отчизну.

Настал новый год. Что нам он готовит в грядущем, пока неизвестно. Можно сказать лишь, что в период истекшего года, много пришлось испытать, пережить. Минувший - 1943 год, равен десятку прожитых лет, в условиях мирного времени. Встреча нового года была ознаменована нам выпивкой ста грамм водки и получением небольших подарков от трудящихся Родного Алтайского края. Мной получен кисет с табаком и небольшой кулёк пряников. С одной стороны мне казалось как-то неудобным получать эти пряники в кульке, я чувствовал себя на положении мальчишки. С другой стороны во мне возникало чувство признательности к нашим людям в тылу, которые повседневно уделяют нам своё внимание и заботятся о нас. В полученном кульке я нашёл записку такого содержания.

„Дорогой боец!

Посылаю вам небольшой - скромный подарок. Поздравляю с новым годом и желаю наилучших успехов в борьбе с ненавистным врагом. Желаю живым и здоровым вернутся с победой домой. Если будет время, отвечайте.

Мой адрес: Алтайский край, г. Барнаул

Ул. имени Крупской №151. Тамара Яковлевна
Горошко."

Нужно ответить. Надо поблагодарить неизвестную патриотку за её скромный подарок и добрые пожелания. Наступает рассвет. Все ещё спят. Сегодня впервые за время пребывания на фронте – у нас выходной день. Видимо в честь нового года. День обещает быть тихим и тёплым. Если бы весь этот год был также тихий и безмятежный, как этот январский денёк, тогда бы меньше затрачено было моральных и физических сил. Но, нет! Это хуже. В тиши и спокойствии не достигнешь победы. Для того, чтобы вернуть тишину нашей жизни, нужна канонада орудий, нужен грохот снарядов, нужен треск пулемётов, нужено напряжение наших сил, нужна стойкость, упорства и беззаветное стремление к разгрому врага.

То, что пришлось перенести – это лишь часть в общей сумме предстоящих трудностей, которые ожидают меня впереди. Когда прекратится война и если придётся мне быть очевидцем этого счастливого момента всеобщей радости, тогда подведу итоги того, что затратил и что потерял находясь на войне. Весь наш народ подытожит затраты и предъявит полностью счёт виновникам войны.

6е Января 1944 г.

/2 час. дня/

Прошло немного дней, с того времени, как пришли мы сюда, преодолев 240 клм. пути от злосчастного Осиностроя до района Великих-Лук. В изготовленных нами блиндажах – в этих комфортных жилищах солдат, мы прожили всего лишь полмесяца, после чего получили приказ выступить на один из участков фронта, находящихся от нас на расстоянии 100 килом., то есть придётся частично идти вдоль фронта. И так, кончился кратковременный период формирования и отдыха, прекратились сигналы горниста, прекратилась бессмысленная муштровка бойцов, которых усиленно днями заставляли учить строевую подготовку, столь не нужную в условиях боевых операций. За это время наша дивизия получила пополнение, в количестве тысячи человек, прибывшее с Дальнего Востока, куда вместо их направляют новый набор рождения 1926 года. Затем, спустя некоторое время ещё пришла на пополнение тысяча человек, в числе которых были уже раненые не один раз. Некоторые были почти инвалиды, не владетели левой рукой, лишённые левого глаза и прочие физические недостатки, полученные в результате ранений. Меня поражало, что считалось видимо допустимым отправка этих людей - почти инвалидов.

Вновь начинаются дни боевых операций, дни борьбы с коварным врагом, которого в данное время гонят на всех участках фронтов. До свиданья Бежица! Едва ли когда вновь придётся Вас видеть.

Кстати сказать, сегодня объявили приказ, в котором говорится, чтобы на приветствия бойцы отвечали, как в годы самодержавия „Здравия желаем", „Так точно" и тому подобное. Многие отрицательно реагируют на это нововведение, заявляя, что многое в армии стало по прежнему, то есть как было до революции. И это верно.

7е Января 1944 года.

Вышли в поход вчера в 5 часов вечера. Вскоре разыгралась метель, которая заносила дорогу, залепляла глаза и лицо, так, что трудно было смотреть. Поминутно отрывал я с бровей большие сосульки льда и вытирал от снега лицо. Шли по колен утопая в снегу. Лошади нашего обоза измучились, а поэтому то и дело останавливались. Движенье осложнялось. А вьюга бушевала с несмолкающей силой. Усталые бойцы на каждой остановке, как сноп валились на дорогу и несмотря на пронизывающий ветер, многие из них засыпали. Каждый раз как возобновлялось движенье, командиры обходили место остановки и подымали уснувших бойцов, которых трудно было увидеть, так как снег заносил их и спящий боец был незаметен. К утру пошёл мокрый снег. Все мы намокли, ноги скользили и бойцы часто падали от этого. К 9 часам утра мы достигли места остановки, которое находилось в большом сосновом лесу, в 20 километрах севернее города Невеля недавно освобожденного от немцев. И так, в течение 16ти часов, с большим трудом мы прошли 35 километров — намеченный маршрут на первый переход. В лесу нашли вырытые траншеи и кое где блиндажи не занятые бойцами, в которых быстро разместилась наша часть. Однако многим не досталось такое убежище и они вынуждены были спать на снегу под сосной. Я и мой товарищ по службе Х-атов Михаил, к счастью нашли небольшой блиндаж, в котором мы тотчас-же расположились. К нам присоединился боец нашей роты Николаев — мужчина 45ти летнего возраста, — известный в роте скептик и интриган. Все трое закусили [redacted] хлеба и вскоре уснули. Спустя три часа поднялись, развели костёр и обсушились. На кухне готовят обед, после которого вновь отправляемся в путь. Издалека к нам доносся грохот орудий. Там бойцы Красной Армии бьются с врагом, отгоняя его всё дальше и дальше на Запад. Три дня тому назад, здесь была фронтовая полоса, а теперь уже противник находится справа по фронту километрах в сорока, а на левом фланге ещё больше.

Во время движения я смотрел на согбенные фигуры идущих, усталых бойцов и почему-то думал при этом, что некоторые из них несут свою жизнь на жертвенник войны во имя свободы отчизны, во имя счастья наших поколений. Они идут навстречу своей смерти, ожидающей их на полях отечественной войны.

9е Января 1944г. ПО СЛЕДАМ НЕДАВНИХ БОЁВ

К вечеру 8го числа тронулись в дальнейший путь. Прошли город Невель, который впервые пришлось мне увидеть. В городе нет совершенно жителей. Почти у всех домов выставлены оконные рамы, нет дверей и в большинстве разрушены постройки. Мёртвый и пустынный город наводит какое-то уныние, имея печальный вид. Город недавно был взят нашими войсками. История взятия его весьма интересна. В два часа дня ворвались в город наши танки. У немцев произошла паника от этого внезапного налёта. Они без оружия выскакивали из домов и отовсюду, садились в автомашины, а кто и просто удирал, но многие из них были захвачены в плен или уничтожены нашей пехотой, идущей за танками. Достались большие трофеи, в числе которых были целые склады продовольствия, вино, боеприпасы, эшелон вагонов, и много паровозов. Вскоре немцы предприняли атаку, пытаясь вернуть себе город, но все безуспешно.

В полночь достигли мы деревни Ловец. В полкилометре от неё, в роще мелкого кустарника в небольших холмистых возвышенностях нарыто много блиндажей, а неподалеку от них проходила траншеи и индивидуальные окопы. Всюду валялись патронные ящики, многие из них были с патронами ППШ и винтовок. Валялись гильзы от снарядов, пулемётные ленты и прочие предметы, которыми пользуются во время боёв. Северо-восточнее стояла разрушенная деревня Краван. Здесь несколько дней тому назад проходили бои. Штаб дивизии и вся наша часть расположились в пустых блиндажах на днёвку. Ночевали неплохо. А наутро разыгралась метель. Я обошёл окрестности нашего расположения, где увидел в большом количестве воронки от орудийных снарядов. Недалеко от нас стояли одиноко наши подбитые танки и несколько орудий. Плоскогорье холмов и долина усеяна были трупами немцев и наших бойцов. Знакомое зрелище! Очевидцем такого зрелища я был уже много раз. И не только был очевидцем, а участником событий, которые создают эти зрелища.

Невольно я вспомнил при этом одно выражение Пушкина, в его произведении "Слово о полку Игореве", где он писал:

О поле, поле кто тебя
Усеял мёртвыми костями....

У меня возникло желание написать небольшое стихотворение по поводу этого зрелища, которое я только что видел. И я написал его на "скорую руку". Стихотворение нуждается в "отшлифовке", но делать это некогда было. Содержание его таково:

Есть деревня у Невеля где-то
Называют её Краван.
Там небо пожарами было согрето,
Там были большие бои.

Там смерть ликовала. И тризну
Свою совершала она.

Там бились бойцы за отчизну,
Которых послала страна

Защищать нашу честь и свободу,
Защищать наших жён и детей.
И не быть никогда чтоб народу
В оковах фашистских цепей.

Мы славу безмолвным героям,
Павшим в горячем бою.
На век создадим и построим
Памятник в этом краю.

Та слава пойдёт о них всюду
По разным местам и селеньям
И песни там петь о них будут
В грядущих веках поколенья.

Случайно я встретил здесь женщину — одна из бывших жителей деревни Краван. Остатки местного населения ютились в оставленных немцами блиндажах. Из её рассказов мне стало известно, что недавно отступившие с этого участка немцы, имели большую поддержку со стороны „власовцев", которых было здесь две больших части. В то время, когда шли они к фронту, многие из них с улыбкой иуды говорили жителям местных деревень:

— Идём навстречу своим братьям.

И встретились они. Шквалом орудийного и ружейно-пулемётного огня встретили этих „братьев" наши бойцы.

К вечеру мы тронулись в путь. Бушевала пурга. Всюду встречались иссечённые осколками снарядов мелкие кусты и хвойные деревья, верхушки и стволы которых в большинстве своём были разбиты.

11е Января 1944г.

В полночь 9го Января достигли конечного пункта нашего перехода – место сосредоточения вблизи деревни Лёшни Пустошинского района Калининской области.

В этом переходе прошли мы Пурки-Перевоз, реку Ущу, деревни Уставно, Прудок, Железницы и другие. Таким образом с Декабря м-ца и по настоящее время выйдя из Белоруссии я прошёл часть Смоленской и Калининской областей и вновь пришёл к границам Белоруссии.

В месте нового расположения пришлось ночевать под сосной у костра. С наступлением дня все принялись рыть блиндажи и делать примитивные печки в земляной стене блиндажей. Трубами служили вставленные друг в друга консервные банки, дно которых предварительно вырезали. Всюду виднелись костры, ходили люди и всё это вместе напоминало мне стойбище каких-нибудь кочевых племён средневековья. Очень быстро приспосабливаются русские люди ко всяким условиям. Этому учит военная жизнь.

Мы находились в лесу на возвышенности. У подножия этой возвышенности извивалась небольшая быстро протекающая речка. Картина была очень красивая и если бы я был художник, я обязательно бы нарисовал этот пейзаж. Через несколько дней вероятно выйдем на исходный рубеж, который находится в 7 километрах от нас. Через эти несколько дней здешняя армия начнёт прорыв немецких укреплений, а мы будем развивать наступление. Такова задача.

Погода улучшилась. Время от времени пролетают наши истребители и немецкие. "Фокке-Вульф" производя разведку, их обстреливают наши зенитки. От линии фронта доносится артиллерийско-пулемётная перестрелка. В лесу, где находимся мы, то и дело "слышатся" короткие очереди стрельбы из автоматов. Это наши бойцы накануне предстоящих боёв, пробуют вновь полученное оружие.

Из слов местного населения, которое здесь редко встречается, нам известно, что немецким солдатам чертовски надоела война. Их офицеры внушают им, что чем больше продлится война, тем лучше и выгодней для Германии заключить будет мир и тем самым удастся избавиться от неизбежной ответственности. Таков расчёт врага, который теперь уже не помышляет о лаврах победы, а только ищет лазейку выйти безнаказанно из создавшегося положения. Но и эта ставка врага будет бита. Враг ответит за всё: за свои гнусные преступления и совершённую разруху в оккупированных ранее советских районах.

Эти — неизбежные последствия ожидают в будущем наших врагов.

12 Января 1944 года.

С наступлением темноты вышли на исходный рубеж, который находился вблизи дер. Лушино. В полночь прибыли туда где "играют и поют". Была морозная, лунная ночь. Немцы методично стреляют из тяжёлых орудий. Расположились в лесу, в шалашах сделанных из хвойных ветвей. К утру появился "Мессершмитт" и сбросил несколько бомб в расположение наших частей, не причинив однако вреда. Вобщем ночь прошла относительно

…ветвей. К утру
…Мессершмитт" и сбросили несколько бомб в

расположение наших частей, не причинив однако ни какого вреда. В общем ночь прошла относительно неплохо. Ранним утром „заговорила" катюша, ей вторила другая, третья и много, много других. Это послужило сигналом для артподготовки. Моментально началась канонада наших орудий и минометов.

С наступлением дня появились немецкие юнкерсы Ю-87, которые с пикирования произвели бомбёжку. Вскоре налёт повторился ещё. Словом операция началась в полном объёме. Наша истребительская авиация быстро появилась в зоне действий фашистских стервятников, оказывая [illegible] противодействие. [redacted] Наступила пауза в артподготовке, но спустя короткое время, она вновь повторилась. Прибывший представитель из Ставки Верховного Главнокомандующего, для координации действий, уже выполняет свои функции.

Прорыв линии немецкой обороны уже начался. Части 10 ударной армии, в составе которой находится наша дивизия, стоят пока во втором эшелоне ожидая приказа для развития наступательных действий.

Слушая „музыку" „бога войны" бойцы с любовью рассуждают:

— Дают фрицам „наши катюши". Так, та-а-к „катя", поддай-ка им жару.

А „жар" становился всё сильней и сильней. В воздухе слышался вой беспрерывно летевших снарядов, слышался грохот их и всюду стоял оглушительный гул.

19 Января 1944 года.

Прорыв немецких укреплений осуществлялся довольно неудовлетворительно. Впереди нас стоявшие части с боями продвинулись всего лишь на 6-7 км., после чего продвижение совершенно приостановилось, в результате упорного сопротивления немцев, в составе которых было немало латышей. Они оказывают сильное сопротивление предвидя в ближайшее время подход наш к южным границам, расположенным от нас всего лишь в 60 километрах. С 16го Января вступил в действие 258 полк нашей дивизии, а затем тоже наш 256 полк. В результате продвинулись всего лишь на 11-12 километров, после чего произошла вновь остановка. Наше положение было весьма не выгодное. Мы находились буквально в мешке, вклинившись в глубину немецкой обороны. Противник то и дело совершал перекрёстный артиллерийский налёт, причиняя тем самым большой ущерб нашей живой силе. Находясь в лесу, мы зарылись в окопы и слушали как активно действует немецкая артиллерия. К счастью на этих участках фронта не было немецких „Скрипунов", иначе дело было бы хуже еще. Всюду местность была изрыта воронками. Всюду валялись трупы наших бойцов, стояли разбитые танки и покинутые немцами автомашины. Всё это создавало удручающее впечатление. К тому же на днях в соседней с нами дивизии „власовцы" вырезали целый батальон наших бойцов. Это событие чрезвычайно поразило нас всех. Этот факт говорит о недостаточной бдительности с нашей стороны. Вероятно горькие опыты в процессе войны, ещё не научили нас разумной предусмотрительности, из-за отсутствия которой подчас страдают многие человеческие жизни. Находясь в районе деревень Бкураты, Погары и Ковальки, мы действовали в составе двух полков (254 полк был в резерве) трое суток, после чего все эти части оттянуты были опять во второй эшелон, где и находится в данный момент. Надо полагать, что намечается вновь какая-то с нашей стороны комбинация в отношении оперативных действий наших частей. В настоящее время, после напряженных боёв вновь воцарилось относительное спокойствие, если не считать безпрерывной артиллерийской дуэли с обоих сторон. За истекшие несколько дней боевых операций, мы понесли значительный и совершенно безсмысленный ущерб в живой силе.

Такова горькая истина, которую на сегодняшний день приходится мне констатировать.

Сегодня получил я из дому письмо. В нём пишет Оксана, что скучает обо мне. Какая-же струнка тоски и скуки чувствуется в содержании письма, одновременно

тоски и скуки чувствуется
в содержании письма, одновременно

посланном сыном. Я написал им ответ.

Ах дорогие мои! Дорогая семья! Тяжёлое время войны и многие тысячи километров отделяющих меня от вас, - являются предметом разлуки в этот период [redacted] жестокой, безжалостной войны.

— Когда-же закончится эта война!?

— Когда прекратится кровавая бойня!?

Когда..... и когда, всё чаще и чаще слышится этот вопрос от бойцов. Они задают его друг другу, они задают его сами себе и не могут ответить.

Война надоела. Она тяжёлым бременем давит нас всех. Она тянет миллионы человеческих жизней и каждый шаг нашего продвижения орошён человеческой кровью.

Скоро-ли кончится.... и скоро-ли придётся вернуться домой к дорогой и любимой семье. И придётся-ли!? Вот постоянный вопрос и неразлучные думы солдата, которые крепко засели в его голове.

28 Января 1944 года.

В ночь на 20-е Января в целом наша дивизия отошла на прежнее исходное положение, расположившись в районе двух опустошённых деревень: Неведро и Лунино Пустошкинского района. 23-го Января была проведена учебная тренировка боевой атаки и стрельба прямой наводкой из орудий по танкам. Казалось, что проводится подготовка к предстоящим боевым операциям, однако дальнейший ход действий не оправдал моих предположений.

В тот день 24-го Января вся дивизия выступила в поход в северо-западном направлении, двигаясь вдоль линии фронта. Из этого нетрудно было понять, что мы перебрасываемся на другой участок фронта, где вероятно будут сконцентрированы силы для очередного удара по врагу. Такие маневренные удары на всех фронтах дают лучшие результаты и систематически практикуются высшим командованием.

Погода стояла сырая. Ночью был дождь, а поэтому всюду виднелись лужи воды, а на возвышенностях показалась земля. И это в конце Января! Мы были в пимах, шлёпая ими по лужам, ощущали неприятную сырость и холод в ногах. Поздно вечером достигли дер. Черницы

Невельского района, где ночевали в хорошем сарае с наступлением дня двинулись дальше. Вскоре деревня, которую мы только что покинули, подверглась артиллерийскому обстрелу со стороны немцев, которые находились всего лишь в пяти километрах от деревни. Видимо кто-то поставил в известность противника, о передвижении наших частей, так как видеть нас он не мог, ибо мы прикрывались полосой густого хвойного леса и целой цепью холмистых возвышенностей, чем наиболее характерна была здешняя местность.

К вечеру мы достигли одной небольшой деревни, вблизи которой переночевали и ранним утром следующего дня двинулись дальше. В полдень 26-го января прибыли к месту сосредоточения, которое находилось в густом разнолесье между деревнями Медведово и Гарбасыски. Здесь много встречалось огромных озер, где надо полагать в летнее время было не мало различной болотной дичи.

В упомянутом районе сосредоточения находилось большое количество разного рода войск, как то: пехоты, артиллерии, танковых частей и прочее. В трёх километрах от нас проходила линия фронта, откуда постоянно слышались пулемётные очереди, стрельба из автоматов и периодическая канонада орудий. Научившись быстро осваиватся в любой местности и в любых условиях, мы вскоре подделали себе шалаши из пихтовых веток, развели костры, которые не угасали до поздней ночи, благо была не лётная погода и авиация бездействовала а также [redacted] не видимы были [redacted] наши костры для противника. Вечером у костров можно было видеть тесный круг бойцов которые вели между собой разговоры и безпрерывно курили.

Некоторые из них говорят об охоте, о походах, о жизни в лесу и снегу.

— Нас зимой не прошибёшь. Мы и на воле можем... а вот он-то как? Не терпит холода, — кивнув головой в сторону противника деловито заявил старый солдат Карпов, ветеран третьей войны, котораго бойцы младшего возраста звали просто „дядя Никифор."

— Война будет длится не больше 12 месяцев, а может закончится раньше, — продолжал „дядя Никифор.

— А почему так? — с живым интересом

— А почему так? – с живым интересом спросил я.

— Да так..., – как-то неопределённо ответил старый солдат.

Боец Баяшкин оживлённо рассказывал о том, как он близко общался с женщиной во время своего выздоровления, будучи в госпитале после ранения под Белгородом.

— Был во я тогда, туда её мать, – разводя руками возле своего лица говорил он, показывая тем самым насколько был полный он во время своего выздоровления.

— Познакомился в то время я с Шурой одной и по уговору с ней пришел однажды к ней на квартиру, – продолжал рассказывать Баяшкин.

— Пришёл и смотрю, кровать-то какая у ней, – блестит. Сели мы с ней. Правда я поцеловал её, потрогал здесь и здесь, – показывает он грудь и талию и с восторгом воскликнул:

— Ах какие у ней буфера! Признаться, я думал, она внимания на меня не обратит, ан нет, наоборот. Ах Шура, Шура – красивая женщина. Чувство глубокого сожаления слышалось в расказе Баяшкина и казалось ощущал он тоску о Шуре, которая произвела на него сильное впечатление. Вскоре различные рассказы бойцов прекратились. Они дружно грянули фронтовую солдатскую песню.

Дрались по геройски, по русски
Два друга в пехоте морской.
Один паренек был калужский,
Другой паренек – костромской!
Они точно братья сроднились,
Делили и хлеб и табак.
И рядом их ленточки вились
В огне непрерывных атак.
В штыки ударяли два друга –
И смерть отступала сама.
А ну-ка, дай жизни, Калуга!
Ходи веселей, Кострома!
Но вот под осколком снаряда
Упал паренёк костромской.
– Со мною возиться не надо –
Он другу промолвил с тоской.

Я знаю, что больше не встану,
В глазах безпросветная тьма!...
- О смерти задумал ты рано,
Ходи веселей, Кострома!
И бережно поднял он друга,
Но сам застонал и упал.
- А ну-ка, дай жизни, Калуга!
Товарищу чуть слышно сказал.
Теряя сознанье от боли,
Себя подбодряли дружки.....
И тихо по снежному полю
К своим поползли моряки.
Умолкла свинцовая вьюга,
Пропала смертельная тьма.....
- А ну-ка, дай жизни Калуга!
- Ходи веселей, Кострома!

После этого слышались старые военные песни: „Ни вьются чайки над морем", „Галя", „Где ты хмель зиму зимовал" и много других.

Вот белорусский боец-гармонист, житель Арзамаса, лихо заломив на бекрень свою шапку-ушанку и склонив слегка голову аккомпонировал на любимой своей „итальянке" коллективной песне солдат. А „дядя Никифор" усердно дирижировал поленом при свете костра. Много поэзии и художественного содержанья представляло собой это зрелище, глядя на которое трудно было представить, что в это же время всего лишь в 2х-3х километрах проливалась человеческая кровь, а люди окружающие этот костер являются кандидатами предстоящих кровопролитий.

29 Января 1944 г.

В ночь на 29е Января наши полки заняли линию обороны. С наступлением дня начались бои местного значенья, через посредство которых предусматривалось отвлечь силы противника с других участков фронта и тем самым обеспечить успех действий наших войск на других фронтах.

В момент обычной перестрелки наших бойцов, я наблюдал случаи „голосования" некоторых из них. Это в большинстве своём были бойцы из Смоленской области, после освобождения которой, они

в Красную Армию и не желая быть

были бойцы из них. ой области, после освобождения которой, они были взяты в красную армию и не желая быть на фронте поднимают из траншей к верху свои руки, с той целью чтобы получить ранение и тем самым избавится от фронта.

Таково настроение многих „смолян," которые заслуженно пользовались большой неприязнью со стороны старых бойцов, честно выполняющих свой долг перед Родиной.

24 Февраля 1944 г.

Прошло уже около месяца как я не заглядывал в свой дневник — постоянный спутник моей боевой жизни на фронте. За это время утекло, как принято говорить в народе, не мало воды, а здесь на фронте пролито много человеческой крови и не один десяток тысяч людей прекратили своё существование. На страницах своего дневника я постараюсь последовательно отразить боевые операции нашей дивизии за истекший промежуток времени.

Первые два, три дня нашего пребывания в районе деревни Медведово были отмечены немцами систематическим обстрелом, а подчас сплошным налётом артиллерийского огня на расположение наших частей.

К концу дня 29го января была предпринята нами разведка боем с участием приданных к нам танковых соединений. В то время, когда боевые операции развернулись в полном масштабе, стоявшие в ряду неподалёку от нас танки, подали свой голос. Послышалась громко команда: „По машинам!" Танкисты мгновенно вскочили в машины, взревели моторы, автоматчики уселись на танки, после чего послышался лязг и грохот стального чудовища, которые быстро помчались туда, где шел бой, где наша пехота боролась с врагом.

31го января было предпринято решительное наступление наших войск на всех участках

нашего фронта. К этому времени прибыл
к нам на 2й прибалтийский фронт, для координа-
ции действий маршал артиллерии тов. Воронов.
Утром 31го января началась сильная с нашей сто-
роны артподготовка. Всё грохотало. Играли
„катюши". Начатые операции нашей дивизией в
районе деревни Рожково имели переменный
успех. Произошел в этот день один коварный
случай. Одна из рот 156го полка нашей дивизии,
вклинившись вглубь обороны противника, была
им зажата в тиски и честно погибла в ожесто-
чённой схватке с врагом.

К вечеру 31го января мы овладели укреплен-
ным пунктом немцев в районе Рожково, заня-
ли эту деревню, а затем была также взята
деревня Антонова, расположенная на большой
возвышенности, внизу которой стояло огромное
озеро. На подступах этой деревни много лежало
наших бойцов, безжизненные трупы которых
создавали печальное зрелище. Глядя на них, я
невольно подумал о том, что в этот момент
семьи убитых бойцов, их матери, жёны и
дети, не знают ещё о трагической гибели
родного и близкого им человека, не знают
о постигшем их горе, питая надежду на
возвращение домой мужа, отца или брата.
Но горе великое уже совершилось, весть о
котором придёт к ним спустя несколько
дней. 4го февраля мы находились в занятой
нами деревне Короткова Ново-Сокольниче-
ско р-на. Немцы прекратили своё отступле-
ние и сильно вели артиллерийский огонь,
стараясь тем самым сковать наши дейст-
вия. 6го февраля пришли в район занятой
нашими частями деревни Терешково, пра-
вее по фронту, где много оставлено было даль-
нобойных немецких орудий, снарядов, груды
патрон и большое количество брошенных
и сожжённых немцами автомашин.
Всюду валялись пустые, израсходованные гиль-
зы снарядов, немецкие гранаты, мины и про-
чее. Всюду встречались трупы немецких сол-

из них имели уродливый вид

чее. Всюду встречались трупы немецких солдат и некоторые из них имели уродливый вид в результате того, что мёртвое тело врага подвергалось ещё издевательству со стороны наших солдат. Почти каждый шофёр, конный повозочный, танкист, старались проехать по трупу противника, кромсая и втаптывая его как тряпку по дороге. Вот лежит большой труп немецкого солдата, это вероятно был породистый и чистокровный ариец. Голова его залита кровью. Советская пуля лишила его возможности топтать нашу землю, хозяевами которой хотели быть немцы. Они обрели себе землю размером в два метра и больше того никогда не получат её. На груди этого трупа, кем-то из наших славян, ради забавы, поставлена пустая бутылка и каждый из нас при виде этого невольно улыбался. Не подалеку лежит ещё один труп, на нем кто-то устроил уборную и оправился.

Всё это вызывало во мне отрицательный взгляд, но всё это взятое вместе красноречиво говорило о том, насколько было велико чувство ненависти и мести у наших бойцов к иноземным пришельцам, за их разрушения и сожжёные сёла и города. За их издевательства над мирным населением оккупированных советских районов, за потоки невинно пролитой человеческой крови, за их стремление сделать нас — хозяев нашей страны своими рабами. Вот почему ненавидим мы всем нашим существом „строителей нового порядка в Европе". Глядя на эти многочисленные трупы немецких солдат, невольно я вспомнил мудрые слова, сказанные в своё время Дмитрием Донским. „Кто с мечём к нам придет, от меча и погибнет." Эта истина является реальным фактом на полях современной войны. Следует отметить, что наше продвижение вперёд за период зимы не очень большое, как это у 1-го и 2-го Украинского фронта. Много мы исходили в зимнее время, но все

Эти хождения имели чисто маневренный характер, с сочетанием отдельных ударов, которые мы наносили противнику на разных участках фронта.

В ночь на 6е февраля видел я сон, который не хочу обойти молчанием. Находясь в каком-то неизвестном месте и не знакомом помещении, я сидел якобы со своими товарищами по фронту Рогозиным и Николаевым. Вдруг появляется моя бабушка одетая по зимнему и покрытая большой черной шалью. С глухим стоном она бросилась ко мне и сказала:

— Вот до чего я себя довела.

Она обнимала и целовала меня, а слёзы катились по её морщинистому лицу. Сон был короткий, как и прочие мои прежние сновидения и я вскоре проснулся, ощущая в себе какое-то тяжелое чувство. Не знал я в этот момент что бабушки моей уже нету в живых, о которой недавно получил в письме сообщение, что она тяжело заболела.

Находясь в деревне Терешково, 7го февраля удалось мне помыться в деревенской бане, после которой я почувствовал большое в себе облегчение, так как свыше месяца не был я в бане.

[Продолжение записей делаю 28го февраля, находясь в опустошенном районе, центр которого (Пустошка) был взят нами вчера. Ясный, солнечный и довольно морозный день. Нахожусь в вырытой мной яме из снега. Горит небольшой костёр, пользуясь теплом которого я делаю эти записи. Гремит канонада наших орудий, играют "катюши", летят эскадрильи наших самолетов Ил-2 неся смертоносную нагрузку на головы фашистских захватчиков.] Такова обстановка.

Находясь в деревне Воротко и Терешково, как между прочим во многих других деревнях, в которых жители отсутствовали будучи угнаны немцами в тыл, я неоднократно наблюдал как безрассудно и безнаказанно наши бойцы, при прямом попустительстве командования, разбирали на дрова и постройку блиндажей совершенно целые крестьянские дома, лишая тем самым родного крова несчастных жителей разрушенных наших деревень. Жалко было смотреть на эти можно смотреть на эти

варварские разрушения, совершаемые руками наших бойцов, которые причиняли тем самым огромный ущерб государству. Наблюдал также я, что в большинстве своём взаимоотношения между бойцами не отличаются товарищеской выдержанностью и не имеют дружеский характер. Это объясняется тем, что война испортила нервы людей. Она искалечила человеческую душу. Люди стали невежественны, грубы, обозлёны и в этом повинна война. Она как тяжелое бремя давит людей. Люди устали, они измучились, неся на своих плечах все тяготы ужасной войны.

9го февраля мы продолжали движение на правый фланг фронта, с целью перехода на другой участок. В полдень остановились в одной из деревень Ново-Сокольнического района и вскоре обстреляны были немецкой артиллерией, в результате чего один из наших бойцов, некто Булавин был убит, а трое ранены. Был тёплый и солнечный день. В воздухе видел я с криком летающих галок. Эти предвестники весны вызывали во мне отрадные чувства. Глядя на них у меня почему-то возникла нелепая мысль: был бы я птицей слетал бы к себе в родной край, увидел бы семью, родных и друзей и крепко от всей души обнял бы их. При этом я вспомнил исторический роман „Меченосцы", который читал в годы своей юности. В нём писалось, как одна польская девушка захваченная в годы средневековья немецкими псами-рыцарями, как называл их в своё время Карл Маркс, будучи в неволе и тоскуя по родине пела:

Если бы как птичка я летать умела,
В Силезию к Ясю я бы прилетела.
Прилетела б села, я на загородку,
Посмотри мой Ясик на твою сиротку.

Разумеется я не хочу сопоставить своё положение с тем обстоятельством, которое было у польской девушки, но чувство тоски о родных местах и семье пожалуй аналогично.

После полудня мы двинулись дальше, к месту нашего маршрута. Пройдя деревню Стольны Раменского рай боевые операции. В боях приняли участие два полка нашей дивизии: 256-й и 258 полк. В резерве находился 254 полк, который за несколько дней боевых операций участия не принимал, после чего, т.е. в ночь на 15-е февраля все полки нашей дивизии были отведены на прежнее исходное положение, будучи заменёны другими частями.

За эти несколько дней наступления занято было много населённых пунктов и значительная часть территории очищена от немецких захватчиков. Таким образом положение которое было до нашего прихода не только восстановлено, но и многое выиграно в результате проведенных наступательных боев, которые однако вскоре прекратились и стало известно нам, что мы переходим, то есть полностью корпус, перебрасывается на другой участок фронта.

В период последних боёв, участие в них принимала наша - 56 гвардейская дивизия и 65-я гвард. дивизия, а 28-я дивизия, которая, как и указанные выше дивизии входит тоже в состав нашего 19-го корпуса, находилась в резерве. В результате этих боёв личный состав наших полков сильно поредел. Так например в 256-м полку всего лишь осталось 54 активных штыка и почти такое-же положение в 258 полку. Из этого видно, что наша дивизия крайне нуждалась в пополнении людским составом, что и делалось как говорят на ходу. Стояли хорошие, зимние дни. В один из этих дней, т.е. 11-го февраля во время боевых действий, пришлось мне идти из 256-го полка на командный пункт дивизии. Выйдя из зоны постоянного артиллерийского обстрела и проходя деревню Гусево Новосокольнического района, я встретил солдата, который обратился ко мне с просьбой закурить. Я удовлетворил его желание, после чего мы разговорились. Задавали обычные друг другу вопросы: откуда, уроженец и прочее и не миновали как правило интересующего всех вопроса об окончании войны.

— Я из Курской области, из района Щигры, — сказал мне солдат, только что закуривший у меня.

— Большая семья у тебя? — между прочим спросил я его.

При этом вздохнул тяжело мой собеседник и после минутного молчания, глядя куда-то в сторону с выражением грусти в глазах поведал мне печальную историю о гибели его семьи от руки фашистских палачей.

— Мой брат был активный советский работник в районе. Он занимал различные должности в разное время. Начиная от секретаря сельсовета и до председателя райисполкома, он проделал немало работы в период коллективизации и борьбы с кулачеством. В то время, когда наша местность была занята немцами, я находился в Красной армии, а брат мой скрывался в районе своей местности. Вскоре поймали его и при содействии местных кулаков, которые с приходом немцев вернулись откуда-то обратно, распознали должность его как коммуниста и советского работника и через два дня повесили. После чего расстреляли мою шестидесятилетнюю мать, расстреляли жену мою Нину, расстреляли детей моих: восьмилетнего Витю и двенадцатилетнюю Надю.

Солдат замолчал. Он попрежнему смотрел куда-то в сторону и на глазах появилась слеза. Я понял, что своим вопросом о семье задел его за больное место, растревожил его рану.

— И после того, — продолжал он, — когда я узнал о гибели семьи моей, а это случилось уже после занятия Красной армией нашего района, я жить не хотел. Я хотел застрелиться, но в осуществлении намерении моих помешали мне свои товарищи.

А что касается окончания войны, я считаю братишка, ещё долго продлится она, — продолжал говорить мне солдат. — Во всяком случилось уже после занятия Красной армией нашего района, я жить не хотел. Я хотел

застрелиться, но в осуществлении намерений моих, помешали мне свои товарищи.

А что касается окончания войны, я считаю братишка, ещё долго продлится она, — продолжал говорить мне солдат. — Во всяком случае ещё ни меньше двух лет придётся нам воевать.

— Да что ты?! С ума сошёл? — Изумлённо воскликнул я.

— А вот вспомни меня потом. Землю отцов нашу очищать нам придется от немцев ни меньше трёх лет. Да то, что завоёвано Советами (то есть прибалтийские республики: Литва, Латвия, Эстония, затем Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина, а также вновь занятая нами часть финляндской территории до Выборга) займёт не меньше двух лет. А там глядишь выскочит ещё какая нибудь партия и будет боротся за красный портфель.

— Ты, что друг, считаешь, что у нас возможна гражданская война? Напрасно так думаешь, — возразил я солдату.

— А вот увидишь, потом.

И помолчав немного, он сказал то, что хотел как казалось мне высказать.

— Мы вот воюем. Дерёмся как львы за нашу Родину-Мать. Несём всякие трудности, прозябаем в окопах, а кое-кто в это время наслаждается жизнью. Кто танцует и поёт, а кто плачет и терпит невзгоды. Эх, жизнь как она несправедливо построена.

Я был удивлён рассуждениями этого с виду невзрачного солдата. Хотел было поинтересоваться его фамилией, но счёл неудобным.

— Ты знаешь браток для тех, кто живёт хорошо на войне и в тылу, война продолжается пусть ещё хоть несколько лет. Для них ничего,

все из нас совершенно отрицательно
реагировали на то, что приходилось
нам [illegible]

1. Писан в полдень 15 Марта 1944 г. В землянке в лесу. 2. Продолжение записей следует в тетради [illegible]

она создаёт им благополучие и хорошие условия жизни.

Докурив самокрутки-сигарки, я попрощался с солдатом, таким же товарищем в серых шинелях как я и продолжил свой путь. В это время до слуха моего доносились отдалённые звуки пулемётной стрельбы и поминутно слышались взрывы снарядов.

Выполнив задание, я к вечеру прибыл в своё подразделение, где меня ожидало письмо от жены. С радостью взял я письмо, распечатал и начал читать.

В нём сообщалось, что бабка моя (так обычно я звал свою бабушку) после продолжительной болезни умерла 24-го Января в 12^{30} ч. С бабкой я прожил свои детские годы и юность. Вся моя жизнь была неразрывно связана с ней, а поэтому когда я узнал из письма о смерти её, — я заплакал.

Не мог выдержать я — я солдат с зачерствевшей душой, не раз встречавшийся со смертью и видавший кое что в жизни, которая заставила меня кой чего испытать и пережить.

На завтра мной написано было ответное письмо, в котором просил я выполнить заветы моей бабушки, так как она мне наказывала чтобы похоронить её по всем религиозным обычаям, поставить крест на могиле и прочее. Бедная старушка. Как ей хотелось дождаться моего возвращения с войны. Не дождалась. Да она и неуверена была в этом. В то время, когда уезжал я на фронт, прощаясь со мной, она говорила мне:

— Уж знать-то я тебя не дождусь.

Она вышла на улицу, навалилась на стену к окну и провожала меня своим взором безотрывно и тяжко рыдала.

с войны. Не дождалась. Но она и неуверена была в этом. В то время, когда уезжал я на фронт, прощаясь со мной, она говорила мне:

— Уж знать-то я тебя не дождусь.

Она вышла на улицу, навалилась на стену к окну и провожая меня своим взором безпрерывно и тяжко рыдала.

А я в это время, в сопровождении сына уходил по направлению вокзала и вскоре скрылся из виду своей плачущей бабки.

Этот момент моего прощанья с ней, запечатлелся в моей памяти и я в любую минуту отчетливо представляю себе эту картину прощанья. Вместе с письмом я послал домой стихотворенье, написанное мной на смерть моей бабушки. Это стихотворенье, я просил отдать в художественную мастерскую, чтобы написали его на жестяной табличке, для того чтобы эту табличку прибить к кресту поставленному на могиле бабушки. Содержанье его таково:

Прощай дорогая.

Прощай дорогая, ушла ты в могилу
Меня не дождавшись с проклятой войны.
Ты всё отдавала здоровье и силу,
На общее благо любимой семьи.

С тобой я провёл свои детские годы,
Юность свою я с тобой же прожил
Вместе делили мы тяжесть невзгоды,
Вместе и радость с тобой я делил.

Я помню родная, когда мне настало, —
Время поехать сюда — на войну.
Долго и горько тогда ты рыдала,
Седой головой склонившись к окну.

ие из нас совершенно отрицательно реагировали на то, что приходилось нам как курить.

„Прощай мой родимый" - ты мне прошептала,
Обнявши тебя, целовал я не раз.
Взором своим ты меня провожала,
А слёзы катились из старческих глаз.

Я скрылся из виду, а ты всё стояла,
Убитая горем старушка моя.
Сколько печали тогда испытала,
Об этом, родная, не ведаю я.

Смерть разлучила с тобой - ненаглядная
Хотела она и меня подстеречь.
Смерть неизбежная, смерть беспощадная,
Жизнь человека стремится пресечь.

Жизнь - это радость. Но смерть ненавижу,
Она словно коршун летает за мной.
Прощай дорогая, тебя не увижу,
После того, как вернусь я домой.х)

х) Или „всем придётся вернутся домой."

Над стихотвореньем я рекомендовал написать о том, кто похоронен, в каком возрасте и так далее, а внизу поместить следующее содержание:

„Текст стихотворения послан с фронта, посвящается умершей бабушке. Составлен её внуком Трубиным Николаем Михайловичем"

Всё изложенное на жестяной табличке, должно быть окаймлёно рамкой, вокруг которой должны обвиватся цветы. Таков мой замысел в части надписи на кресте моей бабушки, о чём писал я в письме и просил сделать именно так, как указывал здесь.

В ночь на 17е февраля вся наша дивизия с исходного положения вышла на пункт сосредоточения в район деревни Черкищино Новосокольсделать именно так, как указываю здесь.

В ночь на 17е февраля вся наша дивизия с исходного положения вышла на пункт сосредоточения в район деревни Черкищино Новосокольнического района. А затем спустя одни сутки двинулись дальше, совершая поход по указанному нам маршруту. Такой же поход одновременно делали и другие дивизии 7го и 19го корпусов. Словом 10я ударная армия перебрасывалась целиком на другой участок фронта.

В эти дни переходов я видел большое множество свежих одиночных могил и целых кладбищ наших бойцов и командиров, похороненных на местах недавних боев. Могилы растут как грибы и глядя на них у меня возникало безотрадное самочувствие.

Сколько погибло людей, сколько пролито крови, сколько осталось сирот, сколько причинено горя и бедствий народу? Вот, что значит война, которую я часто себе представлял в образе кровавого и ненасытного хищника.

Поздно вечером 19го февраля наша дивизия прибыла в район посёлка Старая Мельница Пустошкинского района, расположенного в густом хвойном лесу, на берегу извилистой речки Ущанки. Несмотря на зимнее время, место расположения посёлка было красиво и живописно и я невольно любовался им.

В районе этого посёлка мы пробыли несколько дней, будучи во втором эшелоне обороны на данном участке фронта, а затем вошли в непосредственное соприкосновение с противником. Здесь же отметили 26ю годовщину Красной Армии, празднование которой было весьма мизерно и скудно. Мы жили в холодных наших землянках среди хвойного леса. Старшие из нас совершенно отрицательно реагировали на то, что приходилось нам кочевать.

(Писал в полдень 15 Марта 1944 г. В землянке в лесу). Продолжение записей следует в тетради [illegible] Э.Н.

ли холодные дни, которые представляли собой последние вздохи зимы, так как она была уже на исходе и тем-самым облегчала трудную солдатскую жизнь в условиях фронта.

8е Марта 1944 года.

26го Февраля на нашем участке фронта была прорвана укреплённая линия обороны немцев, после чего мы начали продвигаться вперёд по Ленинградскому шоссе. На пути нашего движения была первая деревня Рудо, с уцелевшей табличкой её названия на немецком языке. Надпись Rudo, казалось говорила о том, что здесь недавно хозяйничали немцы, в руках которых находилась деревня. По существу так и есть. Деревня целиком была сожжёна и на развалинах крестьянских домов можно было видеть одинокие, уныло бродящие фигуры крестьян. Какие печальные думы и мысли были в этот момент в голове этих несчастных людей, лишённых всего, что имели они.

Кошки тревожно бегали возле пепелищ прежнего жилища. Они дико мяукали, озираясь кругом и не зная где приютиться.

Асфальтированная дорога Ленинградского шоссе во многих местах была взорвана немцами, поэтому нашему конному и механизированному транспорту трудно было продвигаться и следовать за пехотными частями.

Поздно ночью мы прибыли в посёлок Бородище, где наряду с другими частями приняли участие в наступательных боях, в результате которых перерезали железную дорогу Невель - Идрица, а затем 4го Марта вошли в район деревень Рахново и Железново Пустошкинского района, расположенных севернее от прежнего участка фронта. Здесь в течение нескольких дней ведём бои местного значения, при чем противник за последние дни стал предпринимать против нас активные атаки, которые мы с отбиваем с большими для него [illegible] приняли участие в наступательных боях, в результате которых перерезали железную дорогу Невель – Идрица а затем 4го марта вышли в район деревень Фазново и Железново Пустошкинского района, расположенных севернее от прежнего участка фронта. Здесь в течение нескольких дней ведём бои местного значения, при чём противник за последние дни стал предпринимать против нас активные атаки, которые мы с успехом отбиваем с большими для него потерями. За эти последние дни погибло несколько моих близких и хороших товарищей по оружию. На днях поражён был осколком снаряда Шатаков, память о котором я сохраню до конца дней моей жизни. Будучи в прошлом году в окружении, с ним вместе делили мы последнюю корку хлеба и варили мизерные кусочки конского мяса, также делили и ели без соли.

Погиб мой предшественник по занимаемой мной должности (Начальник службы СО дивизии), старший лейтенант Чуканов. Прекрасный и скромный товарищ и хороший командир.

Вчера погиб Жацов Михаил Васильевич ранее бывший в моем отделении. Парень с открытой душой и логическими рассуждениями на темы современной жизни. Ему я давал рекомендацию для вступления в партию и считал его одним из лучших бойцов нашего подразделения. Случалось, он так рассуждал:

— Как было-бы обидно и досадно прошагать всю войну, испытавши всю её тяжесть, все страдания солдатской доли на фронте и под конец этой проклятой войны быть убитым. Ах, как досадно! — с горечью восклицал он.

Так и случилось. Война почти дела находится в стадии её окончания или подходит к этой стадии, о чём ярко свидетельствуют наши успехи на всех фронтах и абсолютное большинство ранее оккупированной немцами советской территории, в настоящее время [illegible] из нас совершенно отрицательно реагировали, не то, что приходилось

полностью освобождено Красной Армией.
Таковы события и процесс войны на сегодняшний день.

При мысли о погибших товарищах, у меня возникает чувство беспредельной жалости. Хатов - который также как я вёл дневник своей службы на фронте, оставил навсегда мир постоянной борьбы и ушёл в сырую, неизвестную могилу. Вечная память товарищу, защитнику нашей отчизны.

Осталось двое маленьких сирот, осталась молодая жена его Маня, которая пока не знает ещё о том, что лишилась любимого друга и спутника жизни.

А сколько этих сирот и несчастных женщин, которые лишились любимых мужей. Их миллионы. Их бесчисленное множество, которое трудно учесть.

10е Марта 1944 года

Осенью истекшего года жена мне в письме сообщала о том, что руководители организации, в которой работает она, не оказывают помощи в части транспорта. В результате такого бездушного отношения к семье фронтовика, долгое время не была вывезена в то время на квартиру картофель с пригородного огорода и только в последнюю очередь было сделано это и то лишь после того, когда жена наряду с бесчисленными хлопотами по этому вопросу, пролила [redacted] не мало слёз. Я решил в то время написать по существу вопроса специальное письмо в Барнаульский горком ВКП(б), в котором обращал внимание секретаря горкома на такое положение семьи и отношение к ней со стороны руководителей организации. С получением этого письма руководство горкома партии, послано своего представителя ко мне на квартиру с целью проверки бытовых условий семьи, при чём указанный представитель приходил по существу за тем, чтобы агитировать жену на то, чтобы она не обращалась по этим вопросам ко мне. На это жена возразила: - С кем, как не со своим мужем я могу говорить о всех своих нуждах, сказала она.

После этого упомянутый представитель побывал в организации где работает жена, а затем мне прислано было из горкома небольшое письмо, в котором писалось:

руководства горкома партии, послано своего представителя ко мне на квартиру с целью проверки бытовых условий семьи, при чём указанный представитель приходил по существу за тем, чтобы агитировать жену на то, чтобы она не обращалась по этим вопросам ко мне. На это жена возразила: — С кем, как не со своим мужем я могу говорить о всех своих нуждах, сказала она.

После этого упомянутый представитель побывал в организации где работает жена, а затем мне прислано было из горкома небольшое письмо, в котором писалось:

«На Ваше письмо Барнаульский горком ВКП(б) сообщает: Проверкой материально-бытовых условий Вашей семьи установлено, семья живёт в вполне удовлетворительных условиях, в своем доме, имеют корову, садили картофель, которую убрали своевременно. Нуждаются в оказании помощи в обеспечении топливом на зиму и подвозке сена. В этой будет оказана помощь.

С приветом

секретарь горкома ВКП(б) Юровко.»

Таково письмо. Но это лишь только письмо. Помощи в дальнейшем жена по прежнему не получала в части вывозки сена и дров, о чём сообщала мне в письмах. Я вновь решил написать в горком партии письмо, по этому вопросу, в котором написал дословно следующее:

Здравствуйте тов. Кутимов!

/. 1-му секретарю горкома ВКП(б) /.

Я обращался однажды (в начале октября 1943 г.) за содействием к Вам в отношении оказания помощи моей семье со стороны руководства пожарной охраны, где работает жена. И только после того, когда всем была вывезена картофель, таковая в последнюю очередь была привезена на квартиру моей семье и то лишь после того, когда жена пролила в связи с этим не мало слез.

Это есть ни что иное, как своеобразная форма издевательства в отношении семьи фронтовика со стороны тех, кто не нюхает пороха, над головой которых не грохочут снаряды и не свищут фашистские пули. На моё письмо по вышеупомянутому вопросу тов. Юровко ответил, что семья живёт в этом отношении вполне удовлетворительно. Это

нам как кажется.

/. Писал в полдень 15 Марта 1944 г. В землян-

№ 3 Н М Тючкин.

согласно заявлению уполномоченного Горкома ВКП/б/ тов. Чайкина, посланного для проверки материально бытовых условий моей семьи, который по сути дела приходил затем, чтобы убедить жену в том, чтобы она молчала о своих нуждах и не писала мне о них в письмах.

Далее, тов. Бровко подчеркнуто писал мне, что у меня имеется свой дом и корова, от которой жена между прочим 1/3 всего молока сдаёт государству /в гормолзавод/.

По характеру ответного письма, создаётся понятие, что при наличии коровы и хаты, семье моей чуть ли ни манная каша сыпется с неба. Таков смысл письма тов. Бровко. То, что имеет семья, для меня известно и не ново. Об этом было лишне писать. Наряду с этим тов. Бровко отметил в письме, что семья нуждается в вывозке сена и дров, "в чём будет оказана помощь" /письмо от 9/II-1943 г. за №682/. Но когда? Вот уже проходит зима, а "воз и поныне там." Ничего буквально не привезено. Всё обещают. Кому нужна эта пустая брехня обещаний?! И кому она на руку? Она возбуждает только чувство возмущения и досады. А ведь жена имеет два основания на эту элементарную помощь. Вопервых как работница этой организации и как семья фронтовика. Вместо бесконечных и неисполнимых обещаний в оказании помощи семье путём вывозки сена и дров, не лучше ли было бы прямо, набравшись мужества сказать, что семья моя этой помощи не жди. Она не будет оказана. Так в действительности и получается. Однако из этого у меня возникают соответствующие выводы и я рассматриваю это не иначе как удар в спину солдата, со стороны таких "работников" тыла, каким является руководитель городской пожарной охраны. Таковы логические выводы. Они создаются на почве безразличного отношения со стороны упомянутого руководителя к семье фронтовика. Имея предвзятое отношение к моей семье, это значит, что он бездушно относится к тем, кто находится в сырых и глубоких траншеях, кто будучи в холодных окопах в зимнее время, отстаивает с оружием в руках честь и свободу отчизны. Я не хочу в этом случае ставить себя на какой-то особый

[illegible]

…ческие воздо-
Они создаются на почве безразличного отноше-
ния со стороны упомянутых руководителей к
семье фронтовика. Имея предвзятое отноше-
ние к моей семье, это значит, что они безразлично
относятся к тем, кто находится в сырых и глубоких
траншеях, кто будучи в холодные окопах
в зимнее время, отстаивает с оружием в ру-
ках честь и свободу отчизны. Я не хочу в этом
случае ставить себя на какой-то особый
пьедестал. Нет. Ибо таких как я миллионы, но
Я хочу прямо и громко сказать, что Я имею
право на помощь своей семье. А вместо
этой практической помощи, жена получает
лишь безконечные обещания того, что помогут.
Однако эта болтовня неисполненных обещаний,
не может кого-либо удовлетворить.

Я прошу извинить меня, что содержание это-
го письма имеет резко-выраженную форму.
Мне кажется в этом сказывается результат
кой каких испытанных и испытываемых
различных переживаний, которые естествен-
но влияют на состояние солдатской души.

К тому же, нерадивое отношение к семье
моей со стороны руководства пожарной охраны
порождает во мне безотрадное самочувствие.

Прошу Вас тов. Кутинов вмешатся в этот воп-
рос, ибо в бытность Вашего приезда к нам на фронт
во главе делегации Алтайцев-Сибиряков, в беседе
со мной Вы сказали, что вся посильная помощь
семьям фронтовиков будет оказана. Я надеюсь
что это будет не звук, а действительный факт.

С приветом к Вам
Гвардии старший сержант Трухин.
2-й Прибалтийский фронт. 4-е Февраля 1944 г.

Письмо отправлено мной адресату. Но ответа
до сего времени на него не имею.

1. Запись в дневник сделана в районе дер. Рах-
ново Пустошкинского р-на. Период сильных боёв и
сопротивления немцев на данном участке фронта).

15 Марта 1944 г.

В ночь на 5-е Марта прибыли из района дер. Горо-
дище в район дер. Мяуково, недавно взятая предшест-
вующими нам частями. На следующий день части
нашей дивизии вступили в соприкосновение с

ше из нас совершенно отрицательно
реагировали на то, что приходилось
нам как-то

противником и завязали с ним бой. Нужно заметить, что недавно отброшенный в этом районе противник не имел в начале достаточных сил для сопротивления, в тоже время мы не могли активно действовать в силу того положения, что не имели боеприпасов в достаточной мере ввиду испорченных немцами дорог, которые они повзрывали при своем отступлении. Таким образом Ленинградское шоссе идущее от Невеля к Ленинграду, всё было изрыто огромными воронками, благодаря чему мотомеханизированный транспорт на время замедлил своё движение. Пользуясь этим, немцы подтянули из Германии свежие силы на наш участок в количестве двух дивизий и стали предпринимать против нас контратаки, вследствие чего им удалось окружить наш 254 полк им. Героя Советского Союза тов. Матросова. Вскоре после этого был убит командир этого полка и вместе с ним погибло немало в разное время других офицеров различных подразделений этого полка. На выручку окруженным командование нашей дивизии неоднократно бросало в атаку два батальона пехоты, но все эти попытки не имели успеха. И только лишь на пятый день своего окружения, то есть в ночь на 11е марта 44 г. немногим из бойцов 254го полка удалось выйти к нам. Всего их пришло 38 человек. Таким образом этот полк почти полностью был уничтожен. Почти такое же положение было в 256м полку и только лишь 258 полк имел более или менее приличные силы.

Вся проводимая операция на данном участке фронта имела гораздо большие потери в людском составе чем все предыдущие. Тем ни менее в результате боёв мы продвинулись вперёд и заняли следующие хотя и сожжённые населённые пункты: Борисково, Б. Маковейцево и Стайки. Напротив нас стоит противник в районе занятых им деревень: Высокая Гора, Стирово, Крючково и Мало-Маковейцево, в начале взятое нами, а потом отбитое немцами обратно. В настоящее время все наши потрепанные части ведут оборонительные военные действия и ежедневно пополняются рядовым и командным составом. Таковы дела нашей дивизии на сегодняшний день.

В ночь на 10е марта прибыла к нам долгожданная делегация от трудящихся с Алтайского края. С собой они привезли многочисленные подарки, только давать почти некому их. Многие из тех, кто их ожидал и должен был получить, лежат сейчас в братских могилах в лесах и болотах Калининской области.

С первых дней своего приезда делегаты ужинали с командным составом, пирушки и гульбища, так что не столь выполнили они своего миссию, сколько пьянствовали за счёт тех средств, отдаваемых рабочими и колхозниками Алтайского края для бойцов Красной Армии. Небольшая кучка людей блаженствовала за [illegible] крохи трудящихся. И многие из нас совершенно отрицательно реагировали на то, что приходилось нам [illegible].

(Писал в полдень 15 марта 1942 г. в землянке в лесу). Продолжение записей следует в тетради [illegible].

185

ПАЛЕСДРУК
ГОМЕЛЬ